

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

**В СЛУЖЕНИИ ФЕМИДЕ И ОБЩЕСТВУ:
СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. Д. СПАСОВИЧА**

Сборник научных статей

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2016

УДК 94:34:314/316:929*В. Д. Спасович

В служении Фемиде и обществу: страницы жизни и деятельности В. Д. Спасовича : сборник научных статей / редкол.: И. И. Эсмантович (гл. ред.) [и др.] ; М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – 77 с.

ISBN 978-985-577-239-3

Сборник содержит научные статьи ученых Республики Беларусь и Российской Федерации, посвященные изучению наследия известного белорусского и российского ученого-юриста В. Д. Спасовича.

Издание адресовано ученым, практическим работникам и студентам, обучающимся на исторических и юридических специальностях.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией при участии издательства.

Рекомендован к изданию научно-техническим советом учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

Редакционная коллегия:

И. И. Эсмантович (гл. ред.), С. Л. Емельянов, Н. В. Копыткова,
Л. А. Краснобаева, Е. И. Усова

Рецензенты:

кандидат юридических наук Ж. Ч. Коновалова,
кандидат исторических наук Н. Н. Мезга

ISBN 978-985-577-239-3

© Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», 2016

Г. А. Алексейченко

канд. ист. наук., доц.,
УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

А. И. Фелькин

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

В. Д. СПАСОВИЧ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается ряд ключевых аспектов связанных с формированием гражданской позиции и общественной деятельности В. Д. Спасовича в контексте эпохи Великих реформ в России.

Ключевые слова: университет, реформы, судебная система, общественность, прогресс.

Одной из ярких и знаковых фигур, оказавших влияние на жизнь пореформенного российского общества, являлся уроженец Беларуси Владимир Данилович Спасович. Этот человек еще при жизни был известен как «первый адвокат Петербурга» или как «король российской адвокатуры», участвовавший во всех крупных политических процессах своего времени. В. Д. Спасович проявил себя не только на поприще адвокатуры, он также был известен как прогрессивный профессор-правовед, педагог, публицист и литератор.

Мировоззрение и гражданские позиции В. Д. Спасовича формировались в эпоху подготовки «великих реформ» под влиянием лучших традиций «людей 1840-х годов», среди которых особую роль он отводил яркой личности ученого и общественно-го деятеля К. Д. Кавелина [1]. Именно по его рекомендации В. Д. Спасович приступил в 1857 г. к преподавательской деятельности в Санкт-Петербургском университете и после защиты диссертации с 1860 г. возглавил в качестве профессора кафедру уголовного права, читая курс лекций «О теории судебно-уголовных доказательств в связи с устройством и судопроизводством».

В период преподавания В. Д. Спасович как профессионал и педагог приобрел авторитет, особенно среди самой прогрессивной части – студенчества. Многие будущие деятели права

(А. Ф. Кони, К. К. Арсеньев, Н. С. Таганцев, С. А. Андреевский), которые имели возможность посещать лекции этого правоведа в юности, отмечали их высокую научную значимость и новизну с одной и ярким, образным, и понятным изложением с другой стороны. Данные лекции являлись разрушающей силой старых, дореформенных теорий в области уголовного права. В своих лекциях ученый знакомил аудиторию с прогрессивными философскими и правовыми идеями своей эпохи, что особо отметили лидеры российской пореформенной демократии Н. К. Михайловский и Н. В. Шелгунов.

Доказательством глубины и оригинальности лекций Владимира Спасовича служат студенческие воспоминания одного из виднейших правоведов России, его младшего современника – А. Ф. Кони: «Сложные понятия о преступлении и наказании развивались ярко и понятно, очень часто художественно и всегда с той широтой, которая дает уголовному праву основание называться наукой, а не сбором теоретических положений, чуждых жизни и подчас тяжелых для совести человека» [2, с. 111].

В лекциях В. Спасовича, был слышен призыв – напутствие студенчеству в будущей деятельности, связанный с приближением эпохи «великих реформ». Не ограничиваясь этим, молодой профессор вступил на путь их практической подготовки. Он вошел в состав ученого комитета при Главном управлении училищ и вместе с авторитетными представителями профессуры участвовал в подготовке университетской реформы. В. Д. Спасович последовательно отстаивал базовые принципы университетской автономии и выступал за развитие институтов самоуправления. В частности, он предлагал «отменить все статьи, запрещающие студенческие общественные учреждения и собрания» [3, с. 147–158].

В 1861 г. Владимир Данилович, вместе с четырьмя известными профессорами и ректором С. Петербургского университета П. А. Плетневым покинул преподавательскую деятельность, в знак протеста против репрессий над участниками студенческих волнений и давления на профессуру. Этот акт «гражданского мужества» (Н. В. Шелгунов) нашел в обществе широкий резонанс. Впоследствии, в своих воспоминаниях Владимир Спасович отмечал, что лучшая профессия, которая ему «по душе» –

это «профессорство по призванию» [4, с. 84]. Однако В. Д. Спасович не являлся сторонником кабинетно-аудиторной системы просвещения, он стремился сделать научные знания и образование достоянием широкой общественности. С 1860 г. он практиковал регулярные чтения публичных лекций, расширяя свою аудиторию путем опубликования основных материалов в периодике. Таким был опыт журнального варианта курса лекций «Новое направление в науке уголовного права» в октябрьском номере «Вестника Европы». Старательно организовывая молодые силы юристов, он стоял во главе ряда профессиональных кружков и по мнению современных специалистов был одним из организаторов российского юридического общества.

С конца 1850-х гг. В. Д. Спасович внимательно следил за подготовкой судебной реформы. Хотя он не принимал прямого участия в подготовке базовых документов 1864 г. будущий «король адвокатуры» выступал с идеями законодательного утверждения и введение в практику судопроизводства принципов независимости суда от администрации, несменяемости судей, гласного, устного и соревновательного судопроизводства, а также равенства граждан перед законом.

Особую роль правовед-теоретик придавал разработке положения о нравственных качествах участников судебного процесса и самой судебной этике. По данному вопросу Владимир Данилович исходил из того, что деятельность прокурора, адвоката и судьи обязаны базироваться на основе устойчивых этических правил. Юрист также вывел формулы деятельности вышеуказанных участников суда и необходимые им свойства и характеристики [6, с. 71].

Важное, (хотя и косвенное) влияние на реализацию судебных реформ оказывал вышедший в 1863 г. «Учебник уголовного права» В. Д. Спасовича, в котором на основе детального критического разбора Уложения о наказаниях 1845 г. отмечалось, что пороки законодательной системы сказываются на несовершенстве уголовного судопроизводства.

Однако следует отметить, что В. Д. Спасович вначале недооценил значение введения в России института суда присяжных. Правовед ошибочно считал, что «народ не созрел для суда присяжных, не умея отличать начальственного предписания от закона».

Позже он с удовлетворением отмечал, что его опасение не оправдало себя [1, с. 400].

В. Д. Спасович особое внимание обращал на развитие свободной прессы, журналистики и издательского дела как инструмента и важного условия формирования гражданского общества. С 1871 г. он выступал защитником на ряде процессов, связанных с деятельностью редакций отдельных периодических изданий, поднимал вопрос о свободе литературной деятельности, авторского права и литературной собственности («Вестник Европы» июнь 1874 г.) С конца 1860 г. он входил в редакционное ядро журнала «Вестник Европы». С 1876 года он издавал ежемесячный журнал «Athenaeum», выходящий в Варшаве. Пользуясь заслуженным авторитетом в периодических общественных кругах В. Д. Спасович вместе с Н. К. Михайловским в 1894 г. выступил инициатором разработки группы литераторов проекта пересмотра законов о печати и подчинения дел о печати судебным нормам. Проект вместе с петицией, подписанной 80 известными деятелями науки и культуры был представлен на рассмотрение нового императора Николая II. Эта акция послужила важным импульсом в движении за образование союза взаимопомощи русских при Русском литературном обществе (1896 г.).

Следует отметить, что профессор права по его собственному признанию «увлекался литературой и искусством». В. Д. Спасовичу принадлежит ряд литературно-критических статей о Шекспире, о творческом наследии Ф. Шиллера и И. В. Гете, о байронизме у А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, литературных поисках А. Мицкевича, новейших тенденциях развития российской романистики (по П. Д. Бабарыкину и Д. С. Мережковскому и др.). Профессор был участником масштабного проекта по изданию «Volumina legum», предпринятому И. П. Огрызко и трудился над подготовкой критического издания Литовского Статута, которое, к сожалению, не осуществилось. В творческом содружестве А. Н. Пыпиным Спасович подготовил фундаментальную «двухтомную» «[истории славянских литератур» (1866). В. Д. Спасович составил очерк истории польской литературы. Издал серьёзное историческое исследование «Жизнь и политика маркиза Велепольского» (1882 г.).

В. Д. Спасович ярко проявил себя как лучший из присяжных поверенных своего времени, чье имя навсегда уже вошло

в историю адвокатуры. Он официально начал свою адвокатскую деятельность, вступив в состав присяжных поверенных Петербургского судебного округа 31 мая 1866 г. Знаковой страницей в его профессиональной деятельности стало участие в политических процессах 1870–1880-х гг. На этих процессах В. Спасович стоял на стезе защиты прав человека. С 1866 по 1895 г. Он участвовал в 13 крупных процессах, имевших широкий общественный отклик. Среди них были наиболее значительные судебные политические разбирательства пореформенной эпохи: процессы нечаевцев, долгушинцев, польской партии «Пролетариат», «дело о Германе Лопатине («дело 21-го»)», «193-х», «50-ти», «14-ти», «17-ти», «22-х», «20-ти» и других [8, с. 188].

В залах суда разварачивалось драматическое противостояние судебной системы царизма и молодых радикалов, которых, выстраивая продуманную и вариативную стратегию защиты, В. Д. Спасович пытался спасти от репрессивных судебных наказаний. В ходе этих процессов лидер российской адвокатуры стремился последовательно привить ростки гуманизма правовых отношений на гражданскую почву обновлявшейся России.

Ярко и убедительно проявив себя на политических судах В. Д. Спасович приобрел большую известность и авторитет в передовых общественных кругах России. При этом он последовательно стремился преодолеть крайние политические позиции в политическом спектре современного ему конфликтного общества.

В конце жизни В. Д. Спасович так сформулировал свое гражданское кредо: «За всякий прогресс, но легальный, за всякую эволюцию, но не революцию, за установление порядка по соглашению всех партий на арене парламента — без кровопролития и убийств». В этом отношении находился на передовом рубеже в борьбе за базовые принципы правового государства и развития институтов гражданского общества, прав и свобод личности.

Список использованных источников

1. Троицкий, Н. А. Спасович Владимир Данилович (1829–1906) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://secrethistorysu/424-spasovich-vladimir-danilovich-1829-1906.html>. – Дата доступа: 25.03.2015.

2. Кони А. Ф. Собрание сочинений: в 8 томах. Т. 5. – М.: 1968.

3. Эймонтова, Р. Г. Университетский вопрос и русская общественность в 50–60-х годах XIX в. / Р. Г. Эймонтова // История СССР. – 1971. – № 6. – С. 144–158.

4. Спасович, В. Д. Застольные речи (1873–1901 г.) / под ред. Э. Л. Каспровича. – Лейпциг: типография Ф. А. Брокгауза, 1903. – 104 с.

5. Шалькевич, В. Владимир Данилович Спасович (к 180-летию со дня рождения) / В. Шалькевич // Законность и правопорядок. – 2008. – № 1(9). – С. 69–72.

6. Кони, А. Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Том 5 / под ред. В. Г. Базанова. – М.: Юридическая литература, 1968. – 534 с.

7. Лейкина–Свирская, В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. / В. Р. Лейкина-Свирская. – М.: Мысль, 1971. – 368 с.

8. Троицкий, Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866–1895 г. / Н. А. Троицкий. – М.: Мысль, 1979. – 350 с.

УДК 94:343.14:929*В. Д. Спасович

С. Н. Болмотов

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

ТЕОРИЯ СУДЕБНО-УГОЛОВНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В. Д. СПАСОВИЧА

В статье рассматривается теория судебно-уголовных доказательств, на примере отношения к этому институту В. Д. Спасовича. В. Д. Спасович в своих трудах подверг критике устаревшую систему уголовного процесса и судопроизводства, выдвинул идеи и указал направления для дальнейшего развития и реформирования уголовного процесса. Его идеи в дальнейшем были законодательно регламентированы и успешно применяются в современном уголовном процессе.

Теория судебно-уголовных доказательств, по мнению В. Д. Спасовича, составляет центральный узел всей системы судопроизводства, душу всего уголовного процесса, начало движущее, образующее, статью процесса самую существенную, которая обуславливает и устройство судов, и все главные формы судопроизводства.

Всякое убеждение держится на доказательствах, коль скоро есть малейшее сомнение на счет их устойчивости и прочности, то они сами должны быть проверены и доказаны.

Доказательствами уголовными называются основания убеждения судьи о виновности или невинности подсудимого, заподозренного в известном преступлении, убеждения, которым обусловливается применение к подсудимому уголовного закона.

Источников человеческого познания только два: опыт и разум, иными словами прямое наблюдение познаваемого и умозаключение.

Первый способ познания – чувственный опыт, совмещает в себе: 1. личный осмотр судьей следов преступления и 2. дополнение этого осмотра: суждение экспертов, разборе и решение знатоками таких вопросов, которые требуют особых технических познаний.

Ко второму способу познания – преданию, принадлежит: 3. собственное признание обвиняемого; 4. показания свидетелей, подразделяющиеся на весьма разнообразные виды. К числу таких видов принадлежат: оговор, то есть обвинение лицом, уличенным в преступлении, других его соучастников в том же преступлении, повальный обыск или свидетельство окольных жителей, соседей; показание истца; 5. письменные документы. Письменный документ содержит большею частью или собственное сознание обвиняемого, или свидетельские показания материализованное, отверженное, облеченное в форму, которая способна передавать на будущие времена без искажения результаты убеждения писавших; 6. очистительная присяга подсудимого.

Третий способ познания – наведение, умственное проникание в предмет посредством указующих обстоятельств, включает в себе: 7. Многообразный и многочисленнейший класс всевозможных улик.

Теория доказательств по своду законов имеет одно великое достоинство – между судьей и подсудимым она ставит закон, так что подсудимый не зависит от произвола судьи, от его личного, безотчетного впечатления.

Теория доказательств состоит из нескольких различных, по времени происхождения, наложенных одна на другую систем.

Общая ссылка истца и ответчика на одного и того же свидетеля имеет то последствие, что сообщает полную, совершенную,

достоверность рассказу свидетеля, между тем как без общей ссылки для удостоверения факта необходимы два по крайней мере свидетельские показания.

Очистительная присяга есть старинная рота, вера, значительно измененное законодательством Петра Великого. По законодательству Петра Великого отклонение подсудимым предложенной ему очистительной присяги было равносильно признанию в вине и влекло за собою наказание. В соответствии со сводом законов отказавшийся от присяги оставляется только в подозрении, то есть точно в таком же положении, в каком он был до отказа от присяги.

Второй слой в системе доказательств свода законом – к нему относятся полудоказательства оговор и повальный обыск.

Оговор – обвинение преступником других его соучастников в содеянном преступлении.

Повальный обыск – допрос окольных жителей на месте их жительства по евангельской заповеди, то есть под присягою, о происшествии, которое может быть известно всем им или многим из них, как-то: о поведении подсудимого. Повальный обыск делится на большой и малый. На практике в делах уголовных употребляется один только малый обыск, и то, почти исключительно, только для разузнания о поведении подсудимого. Большею частью, по указания самого подсудимого, спрашивают человек 10 или 12 соседей или людей того же звания, того же околотка; а в городах, где при столплении разногородных элементов, люди, живущие рядом, отделяющиеся друг от друга только стеною, часто не знают о своем существовании, берут человека четыре, пять, шесть. От свидетельских показаний обыск отличается тем, что подсудимый не имеет права отводить обыскных.

К такому типу доказательств В. Д. Спасович относится критически, он считает, что показания обыскных по своему существу имеют весьма малое влияние на установление достоверности преступления, дурное поведение подсудимого есть только улика и то сомнительная. Свод законов в ст. 339 говорит о том, что обыск доказательство несовершенно.

Все доказательства, согласно своду, можно распределить по трем источникам познания: очевидность, предание и умозаключение.

1. На очевидности основаны 2 доказательства: личный осмотр и суждения экспертов.

1.1 Личный осмотр следователем или судьей видимых предметов, состоящих в связи с исследуемым преступлением: местности, где преступление совершено, тела человека, вещественных доказательств и т. д., что в обширном смысле называется «поличным». Однако личный осмотр недостаточен для объяснения связи между фактом преступления и предполагаемым его виновником.

1.2 Суждения экспертов дополняют личный осмотр. Эксперты не свидетели – они только поверщиком сомнительного факта. В случае сомнения на счет правильности суждения экспертов, правосудие может прибегнуть к другим экспертам, более сведущим в том же деле.

2. К преданию относят три вида доказательств: письменные документы, собственное признание и свидетели. В большей части случаев письменные документы, равно как личный осмотр и суждения экспертов не дают достаточных элементов для установления виновности. Самые существенные, два главнейших устоя, на которых держится вся система доказательств: собственное признание и показания свидетелей.

2.1 Документы могут рассматриваться или как доказательство вещественное (поддельная ассигнация) или как признание подсудимого (переписка), или как свидетельское показание.

2.2 В соответствии со ст. 316 Свода собственное признание подсудимого – лучшее доказательство всего света. Свод законов предусматривал наличие следующих признаков собственного признания:

– оно должно быть учинено добровольно, без истязаний, угроз, побоев;

– оно должно быть согласно с обстоятельствами действия, с объективной стороной преступления, так что по одному только признанию без всяких других данных, подсудимый не может быть присужден к наказанию;

– оно должно быть судебное, а не вне судебное (вне судебное только полудоказательство, если оно удостоверено свидетелями, заслуживающими вероятия).

2.3 Свидетели – очевидцы происшествия, убеждение которых суд учитывает и на основании его решает дело. Сила свидетельских

показаний обуславливается тремя обстоятельствами: а) свидетели должны быть люди, достойные доверия; б) показания их должны быть торжественные, присяжные; в) этих показаний должно быть, по крайней мере, два.

Однако не все вправе давать свидетельские показания так, согласно Свода Законов, неспособность подразделяется на несколько классов:

1-й класс – безусловно неспособные к свидетельствованию по какому бы то ни было делу. К ним относятся безумные и сумасшедшие, глухонемые, малолетние, не достигшие 15 лет, иностранцы;

2-й класс – относительно неспособные к свидетельствованию по известному делу, включает в себя неочевидцев происшествия, знающих о нем только по слуху, людей, подкупленных к свидетельствованию, лиц прикосновенных делу, лиц, находящихся с подсудимым в родстве или свойстве, или дружбе, или имевших с ним когда-нибудь вражду, хотя бы они потом и помирились;

3-й класс – неспособные при наличности других более достоверных свидетелей. К числу их отнесены: крепостные подсудимых люди, и получающие от них пропитание и находящиеся у них в услужении;

4-й класс неспособных, это неспособные к свидетельствованию в некоторых только местностях. В губерниях, где евреям дозволено иметь постоянное местопребывание, они допускаются к свидетельствованию и против христиан, но в местах, где им не дозволено иметь местопребывание, они к свидетельствованию против христиан не допускаются и только свидетельствуют по делам своих единоверцев. Будь сто евреев очевидцами происшествия, но сам преступник запретя перед судом, то его освободят, потому что евреи не свидетели.

В. Д. Спасович считал, что можно было преобразовать инквизиционную теорию законных доказательств путем допущения к свидетельствованию весьма многих разрядов лиц, которые ныне под разными предлогами устраняются от свидетельствования под присягою, а в особенности допущением доказательства посредством улик, с обязанием судей мотивировать самым точным образом свои приговоры, то есть давать каждый раз в приговоре отчет, почему они считают то или другое обстоятельство уликой.

3. Третий источник познания – умозаключение. К нему относятся всевозможные так называемые улики, то есть все, что прямо указывает на известное лицо, как на вероятного преступника, из которых логически следует вывод, что это он, а не кто-либо другой виновен. Улики сами по себе взятые, сколько бы их ни было, не могут составить совершенного доказательства, они навлекают только подозрение.

По мнению В. Д. Спасовича, система судебных доказательств значительно устарела: самая важная, самая существенная часть этой системы – пытка, унесена течением времени, иные части почти потеряли практическую применимость (присяга), иные хотя и действуют, но не достигают своей цели (повальный обыск). Правосудие продолжает устрашать, но не только строгостью окончательного приговора, сколько медленностью производства, продолжительностью следственного ареста и другими ограничениями, и невыгодами, которым подвергается лицо за свое нахождение под судом.

Для преобразования современной системы доказательств В. Д. Спасович считал необходимым выдвинуть вперед доказательства посредством улик, предоставив судьям право приговаривать к наказанию в их совокупности. Всякие попытки к законодательному определению доказательства из улик в качественном или количественном отношении перечнем обстоятельств, могущих служить уликами или указанием числа улик, необходимого для составления полного доказательства, никуда не ведут и должны быть оставлены по явной их несостоятельности, что ограничение улик в смысле доказательства может быть только отрицательное, то есть что законодатель, и не пробуя исчислить всевозможные улики, на коих судье дозволено строить свое предположение о вине преступника, может только воспретить ему основывать свои догадки на известных обстоятельствах, которые по опыту признаны неверными, шаткими, ошибочными.

Он считал, что на страже закона может быть только судья, только он является представителем и органом закона. Суд должен, быть независим от администрации потому, что он должен блюсти каждого, а, следовательно, и органы той же администрации в границах их права. Суд должен быть независим от администрации потому, что только тогда он может выполнить свое

назначение, а назначение его состоит в том, чтобы удерживать все элементы общественные в устойчивом равновесии предупреждать всякие насильственные между ними столкновения, быть опорой для слабых, угнетаемых, чтобы, стоя выше всех партий, служить регулятором народной жизни. Только судья может быть представителем и органом закона.

Закон деления занятий специализирования функций, на котором основана необходимость разграничения суда или магистратуры от администрации, требует внутри самой магистратуры, внутри всякого суда полного отделения розыска от решения дела приговором. Судья не должен быть представителем, хотя бы самых почтенных интересов, даже и интересов общественных.

По мнению В. Д. Спасовича, прокурор должен быть только истцом, Задача его – вчинание и производство уголовных исков. В том случае, если прокурор осуществляет надзор за судами, возникает вопрос, кто в свою очередь будет надзирать за ними. Возникнут три, четыре взаимно одна другую контролирующие инстанции и окажется, что дела двигаться не могут от избытка надзирания.

Без адвокатов нет никакого равновесия между обвинением и защитой; не одинаковы шансы состязания между прокурором, снабженным могущественными средствами розыска, и подсудимым, который изолирован в обществе уже по самому падающему на него подозрению, который часто лишен свободы, которому неизвестен ход производимого об нем следствия, который большею частью не знает и закона и, когда виноват, не умеет привести для смягчения уголовной ответственности, уменьшающих его вину обстоятельств.

В. Д. Спасович считал необходимым снабдить сословие адвокатуры сильной властью дисциплинарного надзора и извержения из среды своей всякого сочлена, замеченного в деле не то противозаконном, а просто нечестном, властью притом заступничества за всякого члена, несправедливо притесняемого судом. Внутри сословия адвокат бы почувствовал свое достоинство и научился бы ценить свое призвание, как свободное искусство.

В случае, если иск и защита выдвинулись и отошли от суда, процесс превратился в трехсторонний (суд, обвинение, защита).

Необходимо иметь три степени суда, которых бы юрисдикция определялась относительно тяжестью преступлений и

наказаний, и только две по каждому делу инстанции, с особым кассационным судом, поставленным над всеми судилищами, учреждением скорее политическим, нежели судебным, верховным стражем форм законных и толкователем духа закона.

По мнению В. Д. Спасовича, необходимо предусмотреть три системы судоустройства.

Первая из этих систем, система замещения судов одними только техниками по назначению правительства, основана на начале деления труда. Она рассматривает правосудие, как дело одного только ума и составляет одно из крайних применений закона экономически верного, но антисоциального в своей односторонности, специализирования занятий до бесконечности.

Вторая система – форма суда с присяжными. Ее недостатки заключаются в том, что списки присяжных составляет бюрократическая администрация; что присяжные поставлены над законом, без всякой теории доказательств, судят, казнят и милуют по вдохновению, по инстинкту.

Третья система – суд с выборными. Недостатком является то, что выборные судьи люди необразованные, что они не знают закона, что они совершенно зависят от секретаря, который приводит к делу приличные статьи закона и наставляет судей, как они должны судить, или от председателя, в отношении к которому они считают себя подчиненными по службе.

Для устранения недостатков судоустройства необходимо изменить: 1) условия, требуемые от выбираемых; 2) условия, требуемые от техников по назначению от правительства; 3) постановить и тех, и других в совершенно ином, нежели теперь, между собою отношении.

1. Условия от выбираемых – необходимо выбирать из отборного класса людей, совмещающих в себе 2 условия: состоятельность и образованность (высшее или среднее образование), цвет общества.

2. Условия от техников по назначению от правительства. Таких техников потребовалось бы весьма немного, что на каждый окружной суд достаточно бы иметь одного председателя, человека деятельного, юридически образованного и приобретшего сноровку в практике адвокатской. Его бы следовало подчинить самой строгой ответственности и в вознаграждение за жизнь хлопотливую, трудовую, дать ему великолепное содержание.

3. Функции выбираемых и техников должны быть разграничены и каждому должна быть предоставлена та деятельность, к которой он преимущественно способен.

В. Д. Спасович предложил модель судопроизводственного процесса:

Секретарь читает прокурорский акт обвинения, потом наступает судоговорение, которого ходом управляет председатель, допрашивающий подсудимого, экспертов, свидетелей; потом произносит речь прокурор, потом адвокат защищает подсудимого, потом при закрытых дверях председатель представляет выборным в кратком очерке все доказательства в пользу и во вред подсудимого, толкует им, при наличности каких данных законодатель допускает присуждение обвиняемого к наказанию и какой закон положен за преступление.

Выборные решают по большинству голосов. Тогда председатель или соглашается с решением, или объявляет свой протест и переносит дело в высшую инстанцию.

Такова организация, которую можно было бы дать судам второй степени, сообразно с требованиями современными.

Третью степень судов образовали бы великие областные судебные сенаты, пополняющиеся по назначению правительства, исключительно знаменитостями магистратуры, лицами, которые сделались общеизвестны трудами, талантами, характером в звании судей или прокуроров, и оказавшими огромные заслуги.

Уголовные следствия должны быть производимы судебными, а не полицейскими властями, судопроизводство должно быть по возможности устное. Суд должен быть гласный.

Проанализировав взгляды В. Д. Спасовича касательно реформирования уголовного процесса, можно отметить несколько важных моментов:

- 1) необходимость распространения свидетельского показания;
- 2) необходимость развития доказательства посредством улики и отведения ему места в системе доказательств;
- 3) необходимость преобразования уголовного закона (множество статей кодекса обременительно для памяти), с целью освобождения судей от необходимости подводить то или другое действие под родовое понятие какого-либо преступления;
- 4) состязательность и равенство сторон уголовного процесса;

- 5) независимость судебной системы от административного аппарата;
- 6) гласность судопроизводства;
- 7) разделение судебной системы в зависимости от дела, установление подсудности;
- 8) лишение прокуратуры надзорной функции над судебной системой.

В. Д. Спасович внес огромный вклад в уголовно-правовую систему, в своих трудах он подверг критике устаревшую систему уголовного процесса и судопроизводства, он выдвинул идеи и указал направления для дальнейшего развития и реформирования уголовного процесса. Его идеи в дальнейшем были законодательно регламентированы и успешно применяются в современном уголовном процессе.

Список использованных источников

Спасович, В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством / В. Д. Спасович. – М.: «ЛексЭст», 2001. – 112 с.

УДК 94:343.14:929*В. Д. Спасович

А. В. Верецагина

канд. юрид. наук, доц.,

*Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса*

В. Д. СПАСОВИЧ О ВЗАИМНОЙ СВЯЗИ ИНСТИТУТОВ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ДОКАЗЫВАНИЯ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

В работе анализируются публичные лекции В. Д. Спасовича о теории судебно-уголовных доказательств; его взгляды на модель уголовной юстиции, позволяющую отделить органы исполнительной власти от органов судебной власти; оптимальную организацию судопроизводства, при которой деятельность прокуратуры должна быть уравновешена адвокатами. Рассматривается вклад В. Д. Спасовича

в развитие теории доказательств, выявление взаимной связи институтов доказательств и доказывания с господствующей в том или ином обществе уголовно-процессуальной формой.

В истории России неоднократно предпринимались попытки преобразования судебной системы и уголовного процесса. Однако только модернизация уголовной юстиции 1864 г. оказалась успешной.

В имеющейся обширной историографии излагаются причины, по которым судебные преобразования середины XIX в. дали столь положительный результат, до сих пор определяющий архитектуру российского уголовного процесса. Одна из таких причин – появление в России к моменту начала подготовки реформы профессиональных, имевших специальное юридическое образование, юристов и развитие юриспруденции как отрасли научного знания [1, 299–305].

В первой половине XIX в. научный арсенал российской юриспруденции ещё не был разнообразен. В частности, сочинения российских процессуалистов либо обобщали имевшийся у них опыт (З. А. Горюшкин), либо излагали современную им модель уголовной юстиции и историю её формирования (Я. И. Баршев, В. А. Линовский).

Только в середине XIX века, и этому способствовала подготовка судебной реформы, публикуются фундаментальные исследования зарубежных учёных, например, И. Бентама и оригинальные исследования российских авторов.

Одна из таких работ, несомненно, сочинение В. Д. Спасовича, посвящённое судебным доказательствам и доказыванию. Без преувеличения можно утверждать, что это первое монографическое исследование института в российской юриспруденции, несмотря на то, что в собрании сочинений В. Д. Спасовича жанр работы обозначен как публичные лекции [2, 161].

Автор увязывает свой интерес к теории доказательств в уголовном процессе с планировавшимся на тот момент реформированием уголовной юстиции. По его мнению теория доказательств – «центральный узел всей системы судопроизводства» [2, 165]. Этот тезис он обосновывает через исследование истории развития института [2, 174] и выявление взаимной связи институтов

доказательств и доказывания с господствующей в том или ином обществе уголовно-процессуальной формой.

Помимо того, результатом изучения истории развития рассматриваемых институтов и практики функционирования современной В. Д. Спасовичу уголовной юстиции стал вывод о не репрессивности имевшейся системы доказательств. Данная характеристика дореформенных институтов доказательств и доказывания отнюдь не означает, что В. Д. Спасович сторонник репрессивной модели юстиции. Его заботило то, что разрешение уголовных дел было неэффективным, позволяло ускользать от наказания искусным и опытным злодеям [2, 188], поскольку судья мог оперировать строго очерченной системой доказательств и определённой их совокупностью при вынесении решения. У него (судьи) нет свободы «присуждать к наказаниям по одним полудоказательствам или подозрениям» [2, 188]. Автор справедливо отмечает, что таким образом законодатель, начиная с Петра Великого, заботился об ограждении подсудимых от произвола и ошибок судей. Это привело к середине XIX в. к значительному числу оправдательных приговоров, либо к оставлению подсудимых в подозрении.

Решение проблемы неэффективности судебной деятельности В. Д. Спасович видел в принципиальном изменении содержания институтов доказательств и доказывания, которое предполагает отказ от законодательного определения доказательств или улик в качественном и количественном отношении [2, 253–254].

Иными словами, по мысли В. Д. Спасовича в законе не должно содержаться положений о том, какие обстоятельства могут использоваться в качестве доказательств, и в каком количестве они необходимы для вынесения обвинительного или оправдательного приговора. Единственным легальным ограничением в отборе доказательств при принятии решения должна являться недопустимость применения «неверных, шатких, ошибочных» обстоятельств [2, 254].

При такой постановке институтов доказательств и доказывания всегда есть опасность вольных или невольных злоупотреблений со стороны судьи, принятия решений по усмотрению. Прекрасно осознавая это, В. Д. Спасович приходит к выводу о возможности такой регламентации институтов доказательств и доказывания только в принципиально другом уголовном процессе, который должен

быть преобразован в полном объёме [2, 253]. По мысли В. Д. Спасовича должен быть сформирован особый «механизм судебных властей». Необходима правильная организация судопроизводства, обеспечивающая независимость суда при принятии решения, ограждающая его от использования сомнительных доказательств. Основу такой модели уголовной юстиции составляет разделение труда [2, 257], позволяющее отделить органы исполнительной власти от органов судебной власти. Достигается независимость суда закреплением нескольких судоустройственных и уголовно-процессуальных институтов, к важнейшим из которых он относит: 1) несменяемость судей; 2) рассредоточение процессуальных функций между субъектами уголовно-процессуальных правоотношений; 3) особая организация судебных мест и порядок замещения и отрешения от судейских должностей; 4) привлечение к отправлению правосудия населения; 5) гласность судопроизводства, важность которого сравнима с важностью воздуха для дыхания.

Надо отметить, что первоначально В. Д. Спасович не являлся сторонником суда присяжных, предпочитая ему суд с выборными, знакомый российскому процессу и требовавший своего усовершенствования. Однако со временем он, напротив, высоко оценил эту форму судоговорения, в том числе и потому, что она исключала применение формальной системы доказательств, необходимость замены которой он обосновывал в анализируемом сочинении [3, 2273].

Непременным компонентом правильной организации судопроизводства являлась указанная выше состязательность сторон. На страницах своей работы В. Д. Спасович уделили внимание положению прокуратуры в процессе, которая должна быть лишена права надзирать за судом, и может выступать только в роли стороны в процессе, заявляющей и поддерживающей уголовный иск [4, 260].

Уравновешивать деятельность прокуратуры будут адвокаты, миссия которых по В. Д. Строговичу заключается в практически бесплатной помощи («даровая лепта») страждущему человечеству, поскольку «значительное большинство подсудимых исходит из низших и беднейших слоев общества» [2, 262].

Такая роль адвокатуры ставит её в положение «рассадника магистратуры», хранителя юридической науки [2, 263]. К сожалению В. Д. Спасовича адвокатура не стала основным источником пополнения судейского корпуса, о чём он впоследствии сетовал [5, 39].

Изложенные выше суждения В. Д. Спасовича, свидетельство абсолютно ясного понимания неразрывной связи судеустройственных и уголовно-процессуальных аспектов уголовного судопроизводства и системообразующего значения институтов доказательств и доказывания, по которым можно точно идентифицировать имеющуюся в государстве уголовно-процессуальную форму.

Список использованных источников

1. Верещагина А. В. Этапы становления юридического образования в России: некоторые вопросы // Философский век. Альманах. Вып. 28. История университетского образования в России и международная традиция просвещения. Т. 1 / Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. – СПб., 2005. – С. 299–305.

2. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судеустройством и судопроизводством. Публичная лекция, читанная в С-Петербургском Университете // Сочинения. Т. 3. – СПб., 1890. – С. 161–279.

3. Спасович В. Д. О прошедшем и будущем судебных уставов // Право. 1899. – № 48. – С. 2273–2274.

4. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств.... – С. 260.

5. Ананских И. А., Тюленева М. А. Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 г.: позиции В. Д. Спасовича // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 39.

УДК 94:323.1:316.344.8:929*В. Д. Спасович

А. П. Грахоцкий

канд. юрид. наук, доц.,

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

В. Д. СПАСОВИЧ О ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

В статье рассматривается проблема национальной самоидентификации В. Д. Спасовича. Автор анализирует конфессиональную принадлежность членов семьи Спасовича, представления учёного о Родине, его отношение к современному национализму, федерализму,

а также подходы выдающегося юриста к оценке лингвокультурной ситуации в Российской империи.

Ключевые слова: национальная самоидентификация, В. Д. Спасович, конфессиональная принадлежность, Российская империя, белорусские земли, национализм, федерализм.

Процессы современного нациостроительства, охватившие пространство Российской империи во второй половине XIX в., сопровождались целым рядом конфликтов так называемых «идеальных отечеств». Одним из наиболее острых противостояний был русско-польский конфликт, развернувшийся на территории белорусских земель. С наибольшей остротой и драматизмом этот конфликт проявился в ходе Январского восстания (1863 г.). Как русские, так и польские националисты рассматривали земли современной Беларуси в качестве неотъемлемой части своего «идеального отечества» [1], [2].

Основным маркером национальной идентичности для населения белорусских земель служила конфессиональная принадлежность. В то время как формирование белорусской нации находилось в зачаточном состоянии, православные жители Беларуси причисляли себя к русским, а католики – к полякам. Таким образом становление белорусской интеллектуальной элиты проходило под воздействием русского (православного) либо польского (католического) культурного ареала. На белорусской почве конструкты «русскости» и «польскости» приобретали собственную специфику. В рамках «польскости» формировалось течение «краёвцев». Идеология «краёвости» базировалась на идее о двойной идентичности. Жители белорусских земель признавались этническими литвинами (уроженцами Великого княжества Литовского) и в то же время считались неотъемлемой частью политической польской нации, унаследовавшей традицию Речи Посполитой [3]. В рамках русской культурной традиции формировалось историко-идеологическое течение «западнорусизма», согласно которому белорусы считались самобытной этнографической группой, входящей в состав триединой русской народности (великорусы, белорусы и малороссы) [4].

Выше описанная этнокультурная палитра далеко не вмещала в себя все оттенки национальных идентичностей, присущих уроженцам Беларуси XIX – начала XX в. Ярким тому подтверждением является нарратив В. Д. Спасовича, выдающегося учёного-

правоведа, адвоката, публициста и общественного деятеля. Его суждения о национальной самоидентификации личности иллюстрируют всю сложность и витиеватость нациокультурных процессов, протекавших на «западных окраинах» Российской империи.

К изучению жизни и творчества В. Д. Спасовича традиционно обращаются исследователи России, Беларуси и Польши. Современные авторы рассматривают его адвокатскую деятельность ([5], [6]), анализируют вклад учёного в юридическую науку ([7], [8], [9]), литературоведение и публицистику ([10], [11]). Данная статья посвящена рассмотрению проблемы национальной самоидентификации В. Д. Спасовича.

Владимир Данилович родился 16 января 1829 года в г. Речица (современная Гомельская область). Его отец Даниил Осипович Спасович, православный по вероисповеданию, уроженец г. Мозыря, происходил из семьи униатского священнослужителя. Мать учёного баронесса Теофилия Михайловна Крейц была католичкой, принадлежала к знаменитому дворянскому роду Крейцев, выходцев из Курляндии (часть современной западной Латвии). В семье Спасовичей было 8 детей, старшим из которых был Владимир [12].

О конфессиональной принадлежности членов своей семьи В. Д. Спасович писал: «Я происхожу из смешенного брака, заключённого при условиях, ещё не требовавших, чтобы все дети были православными, когда один из родителей православного исповедания» [13, с. 270]. В этом случае автор упоминал норму трактата 1768 г. между Речью Посполитой и Россией. Согласно положениям трактата мальчики, родившиеся в смешенном браке, получали вероисповедание отца, а девочки – матери [14, с. 855–858 (№ 5767)]. Действие этого документа на территории белорусских земель было отменено царским указом от 23 ноября 1832 г. С этого времени на белорусские губернии распространялось общероссийское правило о том, что дети, родившиеся в семье, где один из родителей являлся православным, должны были быть православными [15, ст. 67]. В. Д. Спасович критически характеризовал отмену нормы трактата 1768 г. Учёный писал: «Отец мой и мы, сыновья, были православными, сёстры мои – римские католички – по матери. Эти прежние условия были прекрасною подкладкою для примирения национальностей; при этой двойственности религий обрядные и догматические различия получали

второстепенное значение, официальность, с одной стороны, нетерпимость, с другой стороны, исчезли, мораль христианская выдвигалась вперёд, как главное содержание религии; терпимость распространялась и на все, даже не христианские, вероисповедания» [13, с. 270].

В своих трудах В. Д. Спасович писал о традициях толерантности, на которых он был воспитан. Учёный отмечал, что его отец работал врачом в «еврейском городе». Как известно, Д. О. Спасович служил врачом в г. Речица, а затем был переведён инспектором врачебной управы в г. Минск. Население обоих городов, как и многих других в Беларуси, примерно на половину, состояло из евреев. В. Д. Спасович вспоминал, как ему «от отца досталось», когда, будучи мальчиком, он насмеялся над евреями, молящимися в синагоге [13, с. 270]. Вероятно, таким образом В. Д. Спасович хотел подчеркнуть своё неприятие идей антисемитизма, стремительно развивавшихся в конце XIX в. в Российской империи. Тёплые воспоминания В. Д. Спасович сохранил и о татарах, которые жили в Минске «со времён ещё Витовта». Учёный писал: «я с татарами учился в школе и посещал несколько раз их мечеть». Далее автор резюмировал, что воспитание его прошло в условиях «широкой терпимости» [13, с. 271].

Задаваясь вопросом о своей национальной идентичности, учёный так и не смог до конца ответить на этот вопрос. Рассуждения В. Д. Спасовича по этому поводу являются ярчайшей иллюстрацией специфической самоидентификации широкого пласта интеллектуалов, родившихся на белорусских землях в XIX – начале XX в. Спасович писал: «Я окунался в детстве в другую среду, точно в глубокое озеро, в водах которого я поздоровел и окреп. Это озеро моя родина, моя Литва, или Белая, или Чёрная Русь – разные разное её называли. Эта родина преподана мне была в готовой форме, культурной, исторической, в форме польской культуры» [13, с. 271].

Данная цитата позволяет нам сделать ряд предположений. Говоря о «другой среде», в которой «окреп» автор, по-нашему мнению, В. Д. Спасович хотел подчеркнуть специфику своего происхождения, которое отличало его от представителей столичных элит. Охарактеризовав свою родину метафорой «глубокое озеро», учёный указал на уникальность полиэтничного и поликонфессионального

региона, где он родился и вырос. Это высказывание показывает нам, амбивалентность представлений автора о своей родине: с одной стороны, называя белорусские земли Литвой, В. Д. Спасович отсылал читателя к многовековым традициям государственности Великого княжества Литовского (употребление названия Литва в отношении белорусских губерний оставалось распространённым до начала XX ст.), с другой стороны, он подчёркивал, что это регион, где доминирует польская культура. Таким образом, автор отмечал неразрывную связь исторической Литвы (ВКЛ) и Польши. Воплощением такой связи было государство Речь Посполитая, которое прекратило своё существование в конце XVIII в. Однако культурные традиции, заложенные в период существования Речи Посполитой, продолжали функционировать на протяжении XIX в. В. Д. Спасович отмечал, что его семья была далеко не чужда этим традициям. Отец учёного окончил Виленский университет, за которым в империи закрепилась слава «сосредоточения польского вольнодумства». Мать прививала В. Д. Спасовичу любовь к польской литературе и особенно к произведениям А. Мицкевича. Во время учёбы в Петербургском университете Спасович посещал земляческий кружок, члены которого говорили по-польски [13, с. 271].

Выше отмеченное позволяет нам судить о том, что В. Д. Спасовичу были не чужды идеи «краёвости». В то же время, учёный подчёркивал, что ещё со школьных лет он был приобщён к русской культуре. Учёный был хорошо знаком с творчеством А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. В гимназии В. Д. Спасович обучался на русском языке, однако его учителями, как правило, являлись воспитанники Виленского университета, которые необходимые пояснения к учебному материалу делали по-польски. В период своей профессорской деятельности, Спасович преподавал юриспруденцию на русском языке. Учёный подчёркивал, что 2/3 его произведений написаны на русском языке и только 1/3 – на польском. Адвокатскую деятельность В. Д. Спасович вёл на русском языке [13, с. 272].

Вне всякого сомнения, после событий 1863 г., когда в Российской империи с особой остротой проявился конфликт русского и польского национализмов, в русском обществе развернулась волна полонофобии, а в среде поляков обострились русофобские

настроения, В. Д. Спасович оказался в ситуации, которая вынуждала его примкнуть к тому или иному лагерю. В ответ на это учёный выступил с резким отрицанием любых проявлений национализма. В. Д. Спасович писал, что ему часто задавали вопрос: «Когда вы пишете или речь ведёте, то на каком языке вы думаете?». В поисках ответа Спасович терзался в сомнениях: «Такой вопрос ставил меня в величайшее затруднение. Я и теперь не знаю, как на него ответить». Автор утверждал, что люди, задающие такой вопрос, имеют предубеждения, что думать можно только на одном языке [13, с. 271–272]. Однако пример Спасовича указывал на обратное: его судьба, как и судьбы большинства выходцев из Северо-Западного края, были неразрывно связаны с русским и польским языками и, соответственно, с обеими культурными традициями. Более того, интеллектуалы, воспитывавшиеся на белорусских землях, вбирали в себя также потенциал белорусской, еврейской и даже татарской народных культур.

В. Д. Спасович с сожалением подчёркивал, что в современном ему социуме господствует «свирепый национализм», «заставляющий общество регрессировать по атавизму, возвращаясь к предкам» [13, с. 273]. По мнению учёного, распространение идей национализма являлось «чрезвычайно вредным». Национализм равно как и «штатс-социализм», по словам Спасовича, «приносят личность в жертву известному коллективизму... Человеческая личность погибает в этом коллективизме как в гробнице» [13, с. 275]. Так, ещё в 1891 г. учёный указал на опасность идей национал-социализма, погубивших миллионы человеческих судеб в годы Второй мировой войны.

Рассуждая о природе национализма, В. Д. Спасович пришёл к выводу, что последний является своеобразной реакцией на общественный индифферентизм (космополитизм). По его мнению, индифферентизм являлся итогом отсутствия в обществе идей гражданственности, свободы личности и самоуправления, результатом правительственной опеки и централизации. По словам автора, общественная индифферентность, всеобщая апатия возникают при условиях, когда правительство заинтересовано в существовании послушной личности, приученной лишь безмолвно и аккуратно выполнять указания властей, платить подати, отбывать повинности. Такая ситуация, по мнению учёного, приводила к формированию

класса политических амфибий [13, с. 77]. Согласно В. Д. Спасовичу, индифферентности можно противопоставить лишь формирование всеобщей культуры гражданской активности, сопереживания и ответственности за судьбу страны. Поэтому подлинным противоядием индифферентизму, по словам автора, являлся не национализм с его воинственной и нетерпимой риторикой, а патриотизмом. Спасович писал: «Просвещённый патриотизм не должен никогда отделять своего дела от дела истины, добра, цивилизации. Нет в мире ничего выше человечности и счастлив тот, кто, не переставая быть патриотом, умеет в то же время быть гражданином мира, сочувствовать всему великому и благородному, где бы оно не проявлялось, понимать, ценить и уважать даже и национального своего врага» [13, с. 78].

Отвергая идеологию национализма, В. Д. Спасович скептически относился к перспективам возникновения национальных государств. По мнению учёного, в современном ему мире создание отдельного государства для каждой нации неизбежно привело бы к неразрешимым спорам за территории и кровопролитным конфликтам. В связи с этим В. Д. Спасович был убеждён, что единственно оправданным способом решения национального вопроса являлось создание федеративных государств. Так, рассуждая о развитии межнациональных отношений в Австрийской империи, Спасович писал: «Австрия, если не погибнет и не распадётся, то превратится со временем в федеративную державу, основанную на равноправии входящих в её состав вероисповеданий, народностей и языков» [16, с. 82]. Можно предположить, что аналогичной логики учёный придерживался, размышляя и о будущем Российской империи. Однако, по понятным причинам, он не мог публично озвучить такого рода размышления.

Являясь сторонником идей федерализма, В. Д. Спасович был приверженцем формирования гражданской нации, поликультурной и полинациональной общности объединённой идеей патриотизма, любви к земле, которая является общей родиной для всех граждан, проживающих в пределах одного и того же государства. Учёный писал: «Главное в национальности не язык, а осознание государственной общности, одушевляющее и соединяющее часто лиц, имеющих разные родные языки» [17, с. 313]. Спасович выступал за равноправие языков. По его мнению, полилингвизм

являлся важнейшим достоянием общественности. В. Д. Спасович был убеждён, что через овладение несколькими языками люди становятся образованнее и разностороннее [17, с. 313].

Таким образом, взгляды В. Д. Спасовича на проблему национальной самоидентификации иллюстрируют сложную, противоречивую этнокультурную и этноконфессиональную палитру региона, где родился и вырос учёный. Белорусские интеллектуальные элиты в условиях, когда формирование белорусской нации ещё только начиналась, были вынуждены примыкать к более сильным национальным конструктам (русскому либо польскому). Нарратив В. Д. Спасовича показывает, что в силу ментальности, исторических, культурных традиций, на которых был воспитан учёный, он не мог до конца примкнуть к той или иной культурной традиции, учёный осознавал свою отличность и от русской и от польской нации. Очевидно, что до конца В. Д. Спасович не считал себя ни русским, ни поляком. В то же время, и для представителей русской и польской интеллектуальных элит он так и не стал до конца своим. По нашему мнению, оторванного от своей малой родины Спасовича нельзя отнести к числу последовательных «краёвцев» или «западнорусов». Хотя, несомненно, идеи «краёвости» были близки учёному. Отрицая идеологию национализма, В. Д. Спасович был приверженцем идей гражданской нации. Толерантность, уважение к различным национальностям и культурам стали неотъемлемой составляющей жизненной позиции учёного. С небольшой долей вероятности можно допустить, что в глубине души Спасович был способен ответить на вопрос о своей национальной принадлежности. Однако его высокий общественный статус столичного адвоката и учёного, с одной стороны, и публициста-интеллектуала, пользующегося авторитетом в польских кругах, с другой стороны, не оставляли возможности В. Д. Спасовичу для публичной исповеди.

Список использованных источников

1. Горизонтов, Л. Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия / Л. Е. Горизонтов // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности / под ред. Б. В. Ананьич, С. И. Барзилова. – М.: Мос. общ. науч. фонд, 2001. – С. 129–150.

2. Миллер, А. Империя Романовых и национализм / А. Миллер. – М.: НЛО, 2006. – 248 с.
3. Смалянчук, А. Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях 1864–1917 г. / А. Смалянчук. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 322 с.
4. Цьвікевіч, А. «Западно-руссизм»: нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. / А. Цьвікевіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.
5. Троицкий, Н. А. Корифеи российской адвокатуры / Н. А. Троицкий. – М.: Центрполиграф, 2006. – 436 с.
6. Корнилович, Э. Король русской адвокатуры / Э. Корнилович // Юстыцыя Беларусі. – 2011. – № 4. – С. 66–69.
7. Paszkowska, M. Poglądy Włodimiera Spasowicza na karę śmierci / M. Paszkowska // STUDIA IURIDICA. – 2001. – № XXXIX. – S. 181–186.
8. Тюленева М. А. К вопросу об эволюции взглядов В. Д. Спасовича на эффективность суда с участием присяжных-заседателей // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 3. – С. 239–241.
9. Грахоцкі, А. П. У. Д. Спасовіч і яго «Учебник уголовного права» (1863 г.) / А. П. Грахоцкі // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2016. – № 2. Социально-экономические и общественные науки. – С. 66–70.
10. Чернова, М. С. В. Д. Спасович об А. С. Пушкине: забытые страницы русской пушкинистики / М. С. Чернова // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. – 2011. – № 1. – С. 51–57.
11. Аржакова, Л. М. Исторические экскурсы В. Д. Спасовича в «Очерках польской литературы» / Л. М. Аржакова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2010. – Вып. 3. – С. 3–9.
12. Грахоцкий, А. П. Научное наследие В. Д. Спасовича / А. П. Грахоцкий // Личность, общество, государство: проблемы прошлого и настоящего: сборник научных статей Международной научной конференции, посвящённой 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, г. Курск, 24 апреля 2015 г. / Ред. кол. О. Г. Ларина (отв. ред.) [и др.]. – Курск, 2015. – С. 90–95.
13. Спасович, В. Д. Моя юбилейная речь на товарищеском обеде 31 мая 1891 г. / В. Д. Спасович // Собрание сочинений В. Д. Спасовича: в 10-ти томах. – СПб, 1890. – Т. 9. – С. 269–276.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II : в 55 т. – СПб.: тип. 2 отд. Собств. ЕИВ канц., 1830–1884. – Т. 7. – 1833. – 1044 с.

15. Свод законов Российской империи: в 16 т. – СПб.: тип. 2 отд. Собств. ЕИВ канц., 1857–1903. – Т. 10, ч. 1: Законы гражданские. – 1900. – 385 с.

16. Спасович, В. Д. Вопрос о национальностях. Введение к новейшей истории Австрии / В. Д. Спасович // Собрание сочинений В. Д. Спасовича: в 10-ти томах. – СПб, 1890. – Т. 4. – С. 69–82.

17. Спасович, В. Д. О языке в области судопроизводства. Речь, произнесённая 2-го февраля 1881 г. в годовичном общем собрании Санкт-Петербургского юридического общества / В. Д. Спасович // Собрание сочинений В. Д. Спасовича: в 10-ти томах. – СПб, 1890. – Т. 3. – С. 293–321.

УДК 94:343.2/.7:929*В. Д. Спасович

С. Л. Емельянов

канд. юрид. наук, доц.,

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

В. Д. СПАСОВИЧ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА

В последние десятилетия XIX в. наука уголовного права стала широко использовать данные медицины, базирующиеся на общих законах естествознания, а также социальных наук. Стали пересматриваться классические уголовно-правовые взгляды, подверглась изменению методология исследования уголовно-правовых проблем. В результате возникла антропологическая школа уголовного права, которая отстаивала альтернативные классической школе уголовного права позитивные воззрения на преступление, наказание, вопросы вменяемости и другие уголовно-правовые институты. К числу тех ученых, которые первыми подвергли всестороннему анализу труды представителей рассматриваемой школы, относился и В. Д. Спасович. В статье приводится критическая оценка учения антропологической школы уголовного права в трудах В. Д. Спасовича.

В последние десятилетия XIX в. наука уголовного права стала широко использовать данные медицины, в частности нейропатологии, психиатрии, психопатологии, психофизиологии, базирующиеся на общих законах естествознания, – эволюции, борьбы

за существование, причинности и относительности, а также социальных наук, которые сделали значительные успехи в течение XIX века. Переосмысление классических уголовно-правовых взглядов, потребности борьбы с преступностью и изменение методологии исследования уголовно-правовых проблем способствовало возникновению антропологической школы уголовного права, представители которой защищали альтернативные классической (или устаревшей) школе уголовного права позитивные воззрения на преступление, наказание, вопросы вменяемости и другие уголовно-правовые институты. При этом проблемы вменяемости и невменяемости преимущественно являлись не самостоятельным предметом их изучения, а рассматривались при выяснении причин преступности, классификации преступников, возможности их исправления, определении целей наказания, особенностей его отбывания и др. Последователи антропологической школы выступали за сближение уголовно-правовой теории и практики, против догматического изучения уголовного права. При этом ее методологической основой являлись философские концепции материализма и позитивизма [1, с. 2056].

Родоначальником антропологической школы уголовного права являлся известный судебный психиатр и антрополог, профессор судебной медицины Туринского университета Чезаре Ломброзо (1835–1909). Наряду с Ч. Ломброзо, распространению идей новой школы содействовали его ближайшие последователи – Энрико Ферри (1856–1929) и Рафаэлле Гарофало (1851–1929), в трудах которых учение Ч. Ломброзо получило правовое значение. Последователи Ч. Ломброзо не только значительно дополнили его учение, но и стремились провести его идеи в законодательство и юридическую практику [2, с. 204].

Позже, в 80-е годы XIX в., возникают и социологические школы международного союза (Лист) и лионская (Гарро, Тард), причем последняя, сначала близкая к школе Ломброзо, с 1889 г. идет на сближение со школой Листа.

«Антропологи» и «социологи» сходились в своем критическом отношении к классическому направлению. По мнению представителей этих школ, определение сущности преступлений и их дифференциация на виды, с принятием их уголовно-правовых взглядов, утрачивает смысл, поскольку факт совершения какого-либо

преступления является лишь симптомом «опасного состояния» лица. В данном случае становится неважным, какое именно преступление совершил человек. Отрицая принцип индивидуальной вины, эти ученые считали несущественными и различия преступлений по формам вины. Основанием уголовной ответственности, таким образом, по мнению этих исследователей, должно служить не совершение преступления, а констатируемое специальной комиссией состояние опасности лица. При этом пределы "социальной" ответственности будут зависеть не от тяжести совершенного, а от степени исходящей от лица опасности. Вместо классификации преступлений, которая при таком подходе становится излишней, они предложили различные классификации (типологии) преступников. Концепции «антропологов» и «социологов» фактически вели к разрушению основных понятий и институтов уголовного права, разработанных классиками [3, с. 433].

К числу тех ученых, которые первыми подвергли всестороннему анализу труды рассматриваемой школы уголовного права, относился и В. Д. Спасович. Свое мнение о ней он высказал первоначально в публичных лекциях, прочитанных в начале 1891 г. в Санкт-Петербургском педагогическом музее и опубликованных затем на страницах журнала «Вестник Европы» в виде объемной статьи под названием «Новые направления в науке уголовного права». В 1891 г. эта работа вышла отдельным изданием в Москве, а затем вошла в восьмой том собрания его сочинений. В 2000 г. статья была переиздана в «Избранных трудах и речах» В. Д. Спасовича [2, с. 207].

Учение Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Р. Гарофало подверглось серьезной критике со стороны В. Д. Спасовича.

Основная идея Ч. Ломброзо заключалась в том, что в человеческом роде есть особый вид, отличающийся характерными физическими и психическими признаками: человек-преступник. Таких признаков Ч. Ломброзо выделял большое количество. При этом в процессе изучения преступников он применял антропометрический метод. Следует отметить, что последователи Ч. Ломброзо придали уголовной антропологии правовое и философское значение за счет обоснования достижений биологии и экспериментальной психологии результатами статистических исследований, что позволило им переименовать антропологическую школу в положительную.

Энрико Ферри одним из первых пополнил антропологию статистикой, тем самым попытавшись обогатить науку, переведя ее на социологическую почву. В. Д. Спасович отмечал, что как только статистические изыскания присоединились к антропологическим, занимавшимся одними конкретными преступниками и их преступлениями, то сама криминология сразу преобразилась: ее содержание обобщилось, и мы стали иметь дело с коллективным стремлением к преступности. Сама наука из той смеси биологии, зоологии, антропологии, какой она являлась у Ломброзо, превратилась в часть социологии, в государственную науку, в политику.

По мнению В. Д. Спасовича, краеугольный камень новой школы – преступник как разновидность человеческого рода есть мечта воображения, несуществующий предмет. В. Д. Спасович задавался вопросом, можно ли признать существование вида, когда его признаки оказываются только у 40 % особей, относимых к этому виду, чем этих признаков очень много и они являются характеризующими только тогда, когда содержатся в человеке в весьма большом количестве? Эти признаки настолько часто встречаются и у несудимых людей, что нужно было прибегнуть к гипотезе скрытого преступника, у которого еще не было возможности выявить свое предрасположение к преступлению.

В. Д. Спасович справедливо замечал, не только все признаки человека-преступника спорны, но даже и объяснение, которое дается школой происхождению и непрекращающемуся комплектованию данного вида человеческого рода, оказывается весьма сомнительным и даже фантастическим. Не доказано, что изначально, в доисторические времена, нормальным типом был человек-преступник, разучившийся совершать преступления только под влиянием цивилизации. Не подлежит сомнению, что между нравственными уродами, которые такими уже родились, и уродами, которые стали такими, есть поразительно схожие черты, так что можно из этих признаков составить общий острожный и уголовный тип, но он является не разновидностью человеческого рода, а только доказательством, что пребывание в определенной среде, например, в остроге, или даже занятие преступлением как ремеслом, налагают на человека определенную печать. Единственным типом преступника, который можно распознать по внешнему виду, является тип преступника – закоренелого и неисправимого

рецидивиста. Класс преступников-сумасшедших основан на логическом противоречии: кто сумасшедший, тот не преступник, даже если его и держали в заключении. В. Д. Спасович высказывал предположение о том, что наука в будущем значительно расширит круг психически больных лиц, находящихся в состоянии невменяемости, так что в этот круг войдут и многие прирожденные преступники, насколько они своей преступности не сознавали. Преступников по страстному порыву немного (около 5 %), если страсть помутила сознание, то она может рассматриваться как моментальное сумасшествие. Остальные два подразделения преступников: случайные и привычные – едва ли могут быть разграничены, потому что всякий привычный преступник начал с того, что был преступником по случаю, пока склонность к преступлению вследствие повторения не стала для него привычкой.

Примечательно, что В. Д. Спасович входил в состав особой пенитенциарной комиссии Санкт-Петербургского юридического общества IV Международного пенитенциарного конгресса в Санкт-Петербурге и сделал доклад на тему о неисправимых преступниках.

Так, в частности, В. Д. Спасовичем было отмечено, что категория неисправимых преступников не содержит в себе всех преступников по привычке, как этого не утверждают и представители антропологической школы. Критерий для распознавания их еще не выработан этой школой. При отсутствии такого критерия, избегая уже удостоверенных недостатков так называемой классической школы (злоупотребление благоприятным для обвиняемого предположением, преувеличение прав, присваиваемых отдельному лицу, в ущерб правам общества, недостаточность средств самозащиты общества от злоумышленников), мы бы, как утверждал докладчик, обратным ходом дошли до прямо противоположных недостатков.

Кроме того, в докладе констатируется, что даже если после всех возможных улучшений уголовной системы останутся лица, не поддающиеся исправлению, то предлагаемое новой школой начало изъятия из общества таких лиц окажется весьма сложно исполнимо. Здесь необходимо преодолеть два препятствия: во-первых, отсутствие единственного изъятия из общества – смертной казни и, во-вторых, большие различия главных типов преступников, из которых одни действуют насилием, другие – хитростью; одни убийцы, другие только воры.

По рассматриваемому вопросу комиссия пришла к следующему заключению:

1) существование особого класса неисправимых преступников, т. е. людей, по своему физическому и духовному состоянию подлежащих мерам наказания и в то же время, в силу органических аномалий, неспособных приспособиться к условиям гражданского общежития – не доказано;

2) идея изъятия из общества, рекомендуемая по отношению к такому классу людей, неосуществима при условиях современной культуры и недостойна ее [4, с. 96–98].

В. Д. Спасович заслуженно укорял итальянскую школу в том, что она слишком долго и скрупулезно занималась только зоологией, антропометрией, подробностями телосложения, так что ей не хватало времени на психологические наблюдения, а социология, хотя и входила в ее намерения, но осталась ей на деле чужда. Если бы вместо того, чтобы ограничиваться изучением с небывалой до сих пор подробностью атавизма, эпилепсии, алкоголизма, влияния времен года и прочего, позитивисты столь же прилежно занялись изучением социальных факторов: религии, богатства, образов правления, свойств переживаемого исторического момента, то оказалось бы, что многое из того, причиной чего считается природа, должно было бы быть поставлено в зависимость от общества и объяснялось бы его плохим устройством. При такой перестановке вопроса неизбежно произошел бы раскол в лагере позитивистов по поводу социальных факторов, которых до сих пор они не разбирали [5, с. 168–169].

Общая оценка В. Д. Спасовича антропологической школы уголовного права была отрицательной. В то же время, несмотря на такой критический настрой, он признавал несомненную пользу, которую она принесла: она выявила полную несостоятельность и безрезультативность существовавшей системы наказаний, легкомысленную торопливость, с которой разбирают при отправлении правосудия не самого человека, а искусственно отделенное от его личности его деяние. Разбирают это деяние по эмоциям, а не на основании научных приемов, после чего судимый человек для юстиции исчезает, и о дальнейшей его судьбе она перестает заботиться [6, с. 232].

Список использованных источников

1. Молчанов, Б. А. Антропологическая школа уголовного права в системе научных направлений XIX – начала XX в. / Б. А. Молчанов, Ю. С. Анциферов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – Т. 3. – С. 2056–2060. – URL: <http://e-koncept.ru/2013/53414.htm>.
2. Шалькевич, В. В. Оценка учения антропологической школы уголовного права в трудах В. Д. Спасовича / В. В. Шалькевич // Право и демократия : сб. науч. тр. Вып. 18 / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2007. – С. 204–214.
3. Курс уголовного права: в 5 т. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак.; под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – Москва: Зерцало-М, 2002. – Т. 2: Учение о наказании. – 454 с.
4. Щегловитов, И. Подготовительные работы С.-Петербургского юридического общества к IV международному пенитенциарному конгрессу в С.-Петербурге / И. Щегловитов // Журнал гражданского и уголовного права. – 1890. – Кн. 3. – С. 96–98.
5. Тюленева, М. А. Оценка учения Жана Габриеля Гарда в трудах В. Д. Спасовича / М. А. Тюленева // Ученые записки юридического факультета. Вып. 38 (48) / Под ред. А. А. Ливеровского. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2015. – С. 166–171.
6. Спасович, В. Д. Новые направления в науке уголовного права / В. Д. Спасович // Сочинения В. Д. Спасовича: в 10 т. – Санкт-Петербург: Книжный магазин бр. Рымович, 1889–1902. – Т. 8: Последние работы в девяностых годах. – 1896. – 474 с.

УДК 94:347.97/.99:343.1(470)"1864"

С. Б. Жихарев

канд. ист. наук, доц.,

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

ТРАНСФЕР ЭЛЕМЕНТОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В ХОДЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА В РОССИИ

В статье представлены стадии и механизмы трансфера системы судов и процедур европейского типа в ходе судебной реформы

1864 г. в России. Показаны проблемы адаптации европейских судебных институтов к контексту российской судебно-правовой системы.

Ключевые слова: трансфер, судебная реформа, судопроизводство, судоустройство, судебные уставы, либерализм, бюрократия.

Управление Россией требовало от власти знакомства с соответствующим опытом управления в других государствах. Представители власти должны были принимать решения о том, чего не хватает в России и где это можно заимствовать. В этой связи принципиальное значение приобретает вопрос, что могло быть заимствовано? Трансферы охватывали очень широкое пространство: от информации и технологий до концепций и идей, относящихся к самым разным сферам жизни, способам управления и властвования. Это также «институты» в самом широком смысле (модели административных учреждений, образование, технологии организации военных, религиозных, политических и других групп, инфраструктура). Такая постановка проблемы позволяет увидеть во взаимосвязях между Россией и Европой живую и творчески продуктивную смесь русских и европейских элементов [1, с. 6].

В данной публикации речь пойдет о процессе заимствования из западноевропейских стран в Россию элементов европейской судебно-правовой системы накануне и в ходе судебной реформы 1864 г. и их адаптации к российским условиям. Из трех типов ситуаций [1, с. 8–9], обеспечивающих старт трансферу судебных институтов и процедур, судебную реформу 1864 г. можно отнести к так называемым случайным заимствованиям и т. н. трансферам «по выбору». Оно начинается со случайного наблюдения чего-то неизвестного, которое затем приводит к решению заимствовать. Одновременно отдельный деятель или элитная группа приходят к заключению, что чего-то не хватает в том контексте, в котором они действуют, и решают заимствовать это нечто извне.

1. Случайное заимствование западноевропейских судебных институтов и трансфер «по выбору»

Со времен Петра I и Екатерины II Россия осуществляла заимствования на западе некоторых элементов судов, пыталась систематизировать законодательство и использовать правовые идеи Просвещения для укрепления абсолютизма, придав ему вид

эффективного политического режима, действовавшего во имя «общего блага». Поэтому неслучайно изучение законодательства было включено в программу обучения будущего императора Александра II.

Образование наследника завершилось путешествием по Западной Европе, что позволило будущему императору сравнивать Россию и Запад. Этому способствовали и наставления Николая I перед отправлением Александра Николаевича в Европу: «Мы должны всегда сохранять нашу национальность, наш отпечаток и горе нам, если от него отстанем; в нем наша сила, наше спасение, наша неподражаемость. Но чувство сие не должно отнюдь тебя делать равнодушным или еще менее пренебрегающим к тому, что в каждом государстве или крае любопытно или отличительно. Напротив, вникая, знакомясь и потом сравнивая, ты много увидишь и узнаешь полезного, и часто драгоценного тебе в запас для возможного подражания» [2, с. 5–6].

Из путешествия по Западной Европе будущий император вынес свои первые непосредственные впечатления о правоохранительной системе. Здесь русский цесаревич слышал о суде присяжных, посетил английский парламент в момент отставки правительства Мельбурна, сам «удивляясь, что попал сюда в столь важную политическую минуту, ибо перемена министерства влечет за собой перемену всего» [2, с. 6]. Он осмотрел Тауэр, Паддингтонскую и Ньюгейтскую тюрьмы в Лондоне, выкупив в одной из них заключенных, содержащихся там за долги. Таким образом, желание Александра II преобразовать суды сложилось под влиянием путешествия по странам Западной Европы.

2. Проблема адаптации европейских судебных институтов и процедур к контексту российской судебной-правовой системы

2.1 Легитимация заимствований или дискурсивная нострификация принципов европейского судопроизводства и судостройства в России

8 июня 1857 г. проект одного из процессуальных уставов, разработанный во Втором отделении С.Е.И.В.К. под руководством Д. Н. Блудова, был внесен на рассмотрение Госсювета, который обсудил процессуальные проекты II Отделения. Эти 14 законопроектов

представляли собой «блудовский компромисс между судопроизводственными нормами, практиковавшимися в Западной Европе, и российской традицией правосудия» [2, с. 7]. Большое место в них занимали идеи С. И. Зарудного представителя либерально настроенных европеизированных юристов, работавшего одновременно в нескольких комиссиях по подготовке реформ. Вместе с тем он стоял за «русское начало выборности» всех судей и главное – не за французскую, а за восточноевропейскую модель организации судов, при которой принцип отделения суда от администрации действовал на уровне следствия, исполнения решений и при рассмотрении гражданских дел, но не распространялся на дела уголовные. «Только в административной власти он усматривал залог спокойствия в государстве» [2, с. 7]. 21 октября 1859 г. царь отдал распоряжение Блудову о создании устава судоустройства, требуя увеличения «числа судебных мест» (имелся в виду мировой суд) и применения европейского опыта при формировании судебного корпуса, то есть назначения судей.

Институт мировых посредников, судебно-административный орган, имевший много общего с английскими мировыми судами, но созданный только на время проведения крестьянской реформы, предполагалось заменить независимыми мировыми судьями.

Комиссия Госканцелярии под руководством государственного секретаря В. П. Буткова, состоявшая из Н. А. Буцковского, А. П. Вилинбахова, П. Н. Даневского, С. И. Зарудного, А. М. Плавского, К. П. Победоносцева, Д. А. Ровинского, Н. И. Стояновского, Д. П. Шубина разработала «Основные положения преобразования судебной части в России». Александр II освободил комиссию от неизбежной прежде обязанности блюсти «самобытность», что дало ей возможность войти в сферу европейского опыта [3, с. 254–255].

Александр II подписал Основные положения 29 сентября 1862 г. Они включали в себя западноевропейские принципы судопроизводства и судоустройства, объединенные в цельную систему. Опираясь на Основные положения, расширенная комиссия Буткова создала Судебные уставы, утвержденные царем 20 ноября 1864 г. (Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями). Реформа вводила систему судов и процедур, имевших место сразу и в

англо-саксонском праве и на континенте, главным образом, во Франции [4, с. 28–29].

В Судебных уставах каждый элемент был адаптирован к российским реалиям. Из Англии были заимствованы мировые суды (единоличный судья – первая инстанция, уездные съезды судей – вторая) и институт присяжных заседателей. Из Франции пришли принцип разделения судебной и исполнительной властей, единый кассационный суд, ограничение права апелляции вторыми инстанциями, двойной допрос обвиняемого (судебным следователем и на суде в присутствии присяжных заседателей), роль прокурора и адвоката в состязательном процессе, «способ заключения прений путем резюме председателя, обращенного к присяжным заседателям», и др.

2.2 Возникновение гибридных форм в российской судебно-правовой системе как следствие трансфера европейских судебных институтов и процедур

Каждый из институтов и каждая из процедур судебной реформы имела в западной правовой культуре «только корни». При обсуждении Основных положений и создании Судебных уставов институты и процедуры обсуждались с точки зрения их эффективного функционирования в российских условиях. «Наш нормальный путь не подражание, а разумное применение общих начал, выработанных юридической наукою», – писал один из видных деятелей судебной реформы Н. А. Буцковский [3, с. 256].

Исследователи Судебных уставов отмечали, что иногда выбор был в пользу русской судебной системы, иногда, отступая от западных примеров, реформаторы допускали ошибки и просчеты [2, с. 10]. В пользу русской системы говорил тот факт, что председатель суда в России, обращаясь к присяжным, должен был выразить свое мнение и показать присяжным как факты, подтверждающие обвинение, так и факты, которые говорят в пользу подсудимого, тогда как во Франции в обязанности председателя входила поддержка прокурора. Буквально выполнив свою миссию, А. Ф. Кони способствовал оправданию В. И. Засулич.

Именно суд присяжных позволял рассматривать приговор как выражение внутреннего убеждения, продиктованного совестью, а не формальными уликами. В отличие от суда шеффенов

(выборных заседателей) в Германии, в России он составлял отдельную коллегия, имеющую свою задачу (вопрос о виновности), а в отличие от Франции – не распространялся на гражданские дела и не имел большого жюри. В Англии восторжествовало правило, применяемое во всех странах: у «всякого обвиняемого», предстоящего пред судом присяжных, должен быть защитник.

3. Самая «западническая» из Великих реформ и представления о Российской империи в Западной Европе

На Западе судебная реформа 1864 года была воспринята положительно. Об этом писал целый ряд европейских периодических изданий. Так, «Independance Belge» в номере за 19 октября 1862 года отмечала, что уже обнародование основных начал будущей реформы вызвало «всеобщий восторг, небывалый со времени эмансипации крестьян» [3, с. 265].

Однако европейская пресса главное внимание обратила все-таки на политическую сторону судебной реформы. «С обнародованием новых постановлений, – пишет «National-Zeitung», – Россия никоим образом не стала еще конституционным государством, но она перестала быть государством деспотическим» [3, с. 265]. Более подробную, но сходную оценку дает «Independance Belge». Эта газета указывает, что до судебной реформы «интересы граждан нисколько не были гарантированы» и «господствовал произвол чисто восточный». В ней выражалась также надежда, что после судебной реформы все это изменится и что впредь от Европы Россия воспримет уже не один только внешний блеск, но и «начала гражданственности и законности в управлении». Газета полагала, что «судебной реформой нанесен удар громадной власти, предоставленной до сих пор министрам, генерал-губернаторам и т. д.», и что сам монарх «отстранил от себя всякую судебную власть, кроме права помилования» [3, с. 266]. «Судебной реформой если не вдруг искоренится основное зло русской государственной системы, – отмечала «N. Preuss. Kreuz-Zeitung», – то все же с течением времени на него будет оказано в высшей степени благотворное воздействие». Отмечая конституционный дух реформы, издание «Nord» также говорит, что «<...> отделение судебной власти от административной, гласность, суд присяжных, несменяемость

судей и прочее являются гарантиями, которые прямо или косвенно суть достояние 64 года» [3, с. 266]. В газете приветствовалось мирное установление равенства всех перед судом и законом, стоившее Франции больших кровопролитий. Оценив в итоге по преимуществу политическую сторону судебной реформы, на Западе в ней усмотрели ряд конституционных гарантий и шаг вперед к будущей конституции.

Таким образом, в результате трансфера элементов европейской судебно-правовой системы в ходе судебной реформы 1864 г. в России сформировалась современная система судов и процедур европейского типа, включающая как элементы континентальной (романо-германской – Устав уголовного судопроизводства), так и англо-саксонской системы. Более того, почти все созданные Судебными Уставами институты и сконструированные механизмы продемонстрировали свою жизнеспособность, что позволяло российской судебно-правовой системе оставаться в русле европейской традиции даже в исторически сложные периоды её развития. Несмотря на критику Судебных уставов, их якобы «инородность» в ткани русской жизни, несоответствие политическому режиму, даже в «эпоху контрреформ» монархия так и не решилась на их кардинальную ревизию.

Список использованных источников

1. *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер и др. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 392 с.*
2. Горская, Н. И. Правовое государство и цели судебной реформы 1864 г. / Н. И. Горская // Вопросы истории. – 2014. – № 6. – С. 3–17.
3. Чубинский, М. П. Судебная реформа / М. П. Чубинский // История России в XIX веке. Эпоха реформ. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. – 524 с.
4. Головкин, Л. В. Судебная реформа 1864 г. и современное развитие отечественного уголовного судопроизводства / Л. В. Головкин // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2015. – № 1. – С. 27–37.

Е. М. Караваева, Е. И. Усова

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

ИДЕИ ГУМАНИЗМА ВО ВЗГЛЯДАХ В. Д. СПАСОВИЧА

Статья посвящена вопросам адвокатской деятельности В. Д. Спасовича. При гармоничном сочетании в одном человека талантливого адвоката, большого ученого, писателя, журналиста и общественного деятеля Спасович занимался еще претворением в жизнь идей человеколюбия. Особое внимание уделено идеям гуманизма при представлении интересов своих подзащитных.

В настоящее время все чаще внимание философов и юристов привлекают историко-философские проблемы отечественной мысли. К их числу относится вопрос осуществления правосудия на основе идей гуманизма. Гуманизм – мировоззрение, в центре которого находится идея человека как высшей ценности. Гуманистические идеи в настоящее время являются основой в любом направлении деятельности государства, включая осуществление правосудия. Принцип гуманизма – это основополагающее начало, идея, закреплённая в законодательстве, заключающаяся в человеческом, милосердном, уважительном отношении к субъектам юридической ответственности при ее установлении и применении.

Согласно ст.2 Конституции Республики Беларусь высшей ценностью и целью общества и государства являются человек, его права, свободы и гарантии их реализации. Гуманизм правовых предписаний выражается и в том, что они гарантируют неприкосновенность личности: никто не может быть подвергнут аресту или незаконному содержанию под стражей иначе, как на основании судебного решения или с санкции прокурора; все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение их достоинства; никто не должен подвергаться жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство наказанию. Уголовный кодекс Республики Беларусь (ст. 3. ч. 7) закрепляет принцип гуманизма следующим образом: «Уголовный кодекс служит обеспечению физической, психической, материальной, экологической

и иной безопасности человека. Лицу, совершившему преступление, должны быть назначены наказание или иная мера уголовной ответственности, необходимые и достаточные для его исправления. Наказание и иные меры уголовной ответственности не имеют своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства». Таким образом, принцип гуманизма является ключевым для Республики Беларусь.

Отметим, что возможность реально осуществлять правосудие, руководствуясь идеями гуманизма и справедливости даже в условиях самодержавия и отсутствия демократических свобод в обществе была доказана еще российскими адвокатам XIX века [1, с. 5].

Таким приверженцем идей гуманизма при осуществлении правосудия был один из величайших юристов XIX века, родившийся в Минской губернии и живший в Петербурге адвокат Владимир Спасович, спасший от смерти многих политзаключенных. Владимир Спасович выступал адвокатом на таких громких процессах, как «процесс 17 народовольцев», «процесс 50 из группы «москвичей», «процесс 21го» и многих других. Он защищал революционных народовольцев Г. Лопатина, А. Прибылева, П. Якубовича и других.

Он был одним из первых, кто в своих судебных речах выступал в защиту не преступника, не обезличенного подсудимого, а человека, волею судьбы совершившего (или не совершавшего) правонарушение. Таким образом, благодаря корифеям русской адвокатуры XIX века, одним из которых был В. Д. Спасович, принципом российского правосудия становится принцип гуманизма.

Идея гуманизма в правозащите неразрывно связана с идеей справедливости при осуществлении правосудия. И гуманизм, и справедливость являются нравственно-юридическими категориями. Само понятие «юстиция» по-латыни означает справедливость (justitia), поэтому справедливость можно считать синонимом правосудия.

Отстаивая идею справедливости при осуществлении правосудия, русские адвокаты, в том числе и В. Д. Спасович, исходили из здравого понимания того факта, что незаконное решение суда в принципе нельзя признавать справедливым [1, с. 39].

В. Д. Спасович неоднократно в своих выступлениях, научных работах подчеркивал, что судебное решение только тогда справедливо, если оно принимается на основе действующего

законодательства. Подменять законы чувствами, эмоциями, целесообразностью – это путь к разрушению правовых основ любого государства [2, с. 118].

Уже в 1863 году В. Д. Спасовичем в учебнике по уголовному праву были изложены и разобраны с необыкновенной ясностью, вразумительностью и блеском идеи гуманизма эпохи Просвещения, философские учения Канта, Фихте, Гегеля [3, с. 713].

А. Ф. Кони в своей рецензии на учебник отмечает, что рядом с подробным и ярким изложением теорий наказания, в этой книге были талантливые страницы, посвященные общим положениям уголовного права, истории и практическому осуществлению наказаний, полные настойчивого призыва к справедливости, слагающейся из примирения начал общежительности и свободного самоопределения воли, и к отказу, от тех карательных мер, которые «бесчеловечны, потому что не необходимы» [4, с. 214].

Особенно решительно выступал В. Д. Спасович против смертной казни, которая всегда применялась исключительно по политическим преступлениям, а также пожизненного лишения свободы. «Жизнь человека, – пишет он, – есть столь же прирожденное ему, и столь же священное, неприкосновенное право, как и свобода. Отрицание смертной казни приведет непременно, по закону логической последовательности, и к отрицанию тюремного заключения и всех вообще мер насильственных, принудительных, одни словом, к отрицанию самого уголовного права» [5, с. 184].

Однако, будучи противником смертной казни, но, тем не менее, дитя своего времени В. Д. Спасович считал необходимой для государства сильную карательную систему, которая в России, с его точки зрения, была ослаблена. «В борьбе за существование между обществом и злодеями корень системы – искоренение; а если по состоянию нервов общества, нельзя, к сожалению, практиковать в надлежащей мере смертную казнь, то возможно оградить себя и без нея посредством эквивалентов» [6, с. 19]. В. Д. Спасович продолжает: «Так как смертная казнь невозможна по состоянию нравов, то лучше упразднить ее, но завести для неисправимых заключенных навсегда, со ссылкой куда-нибудь подалее, с употреблением на полевые работы в болотах и местах, где свирепствует малярия, с прибавкою для строптивых телесного наказания, приспособленного к нашему веку, не в виде розог,

но в виде обливания холодной водой или электрических разрядов, причиняющих боль, но без следов» [6, с. 23].

В. Д. Спасович, так же как С. А. Андреевский, придерживался позиции милосердия по отношению к своим подзащитным. Описывая душевное состояние и те муки, которые предшествовали совершению преступления, адвокат ставил вопрос о прощении вины подсудимому. Призывая быть милосердным к человеку, нередко глубоко несчастному, адвокат исполнял свою высокую обязанность в духе афоризма: «Кто только справедлив – тот жесток». Он всегда стремился подчеркнуть нравственные достоинства своих подзащитных. При этом ему несколько не приходилось грешить против истины. Он говорил, что необходимо смотреть на подсудимых не только как на нарушителей закона, но и со стороны нравственной – «конечно, не с точки зрения нравственности департамента государственной полиции, а нравственности общечеловеческой» [7, с. 34].

Современники В. Д. Спасовича, писавшие о нем, неизменно отмечали разносторонность его дарований. В его лице гармонично сочетались талантливейший адвокат, большой ученый, писатель, журналист и общественный деятель. Выдающиеся русские литераторы читали труды и речи В. Д. Спасовича, довольно часто и по разным поводам упоминали его имя.

Идеи гуманизма «оттачивались» В. Д. Спасовичем в «шекспировском кружке», образовавшемся в 1875 г. в Петербурге. Члены кружка собирались три раза в месяц, читали и обсуждали рефераты о гуманизме, справедливости, правде и лжи, добре и зле в шекспировских произведениях. По отзыву С. А. Андреевского, «очерки Спасовича, относящиеся к великому расцвету романтизма, превосходны. Гете, Шиллер, Байрон (которого он связывает с учением Руссо), Пушкин, Лермонтов – все эти характеристики проникнуты глубинною мыслию и новизной освещения» [8, с. 67].

Владимир Данилович для своей эпохи был достаточно прогрессивным мыслителем. Будучи автором многочисленных трудов в области уголовного права и процесса, он выдвигал требования пересмотра архаического русского права в целях его приспособления к новым, буржуазным отношениям. В статье 1899 г. «Прошедшее и будущее Судебных установ» В. Д. Спасович поддерживает мнение о необходимости формирования правового

государства, более того, считает, что такое формирование уже началось. «Государство... должно сделаться правовым. Под него по частям, с большими натугами и действуя сообща, стали подводить гранитный фундамент именуемый законом. Этот фундамент еще не ныне, а со временем сделается сплошным, тогда и государственное здание сделается гостеприимным пристанищем для гражданственности и культуры» [9, с. 69].

Таким образом, современные представления о гуманизме, опираются на предшествующие идеи гуманизма и справедливости русской правозащиты второй половины XIX века, представителем которой был В. Д. Спасович.

Список использованных источников

1. Яшин А. Н. Философские идеи русских мыслителей судебной защиты II половины XIX века : А. Ф. Кони, В. Д. Спасович, Ф. Н. Плевако, К. К. Арсеньев, С. А. Андреевский: автореферат дис.... к-та философских наук : 09.00.03 / А. Н. Яшин; МГТУ. – Мурманск, 2009. – 43 с.
2. Кони, А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе / А. Ф. Кони. – М. : Юридическая литература, 1967. – 537 с.
3. Яшин А. Н. Идеи гуманизма, справедливости и жертвенности в правозащитной деятельности русских адвокатов 19 в. // Вестник МГТУ. – Том 11. – № 4. – 2008. – С. 713–718.
4. Кони, А. Ф. Отцы и дети судебной реформы / А. Ф. Кони. – М.: Изд-во журн. «Русская мысль», 1914. – 349 с.
5. Спасович, В. Д. Учебник уголовного права / В. Д. Спасович. – СПб., 1863. – 428 с.
6. Спасович, В. Д. Новые направления в науке уголовного права / В. Д. Спасович. – Москва: Типография Н. Д. Сытина, 1898. – 139с.
7. Кони А. Ф. На жизненном пути // СПб., Изд-во Д. Е. Жуковского. – 1912. – 217 с.
8. Андреевский С. А. Драмы жизни. Защитительные речи // Пг., Изд-во юрид. магазина Н. К. Мартынова, 1916. – 649 с.
9. Отрывок из статьи В. Д. Спасовича «Прошедшее и будущее судебных установ», посвященной их 35-летию // Юстыця Беларусі. – 2011. – № 4. – С. 66–69.

Н. П. Ковалева

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

ФОРМИРОВАНИЕ АВТОРСКОГО ПРАВА В ТРУДАХ В. Д. СПАСОВИЧА

Спасович В. Д. был одним из первых ученых - правоведов России который дал оценку незаконному использованию объектов авторского права. Его труды во многом были новаторскими и сыграли большую роль в формировании школы гражданского права России. В статье рассматриваются отдельные аспекты исторического развития законодательства об авторском праве.

Ключевые слова: авторское право, литературная собственность, субъекты, объекты, права авторов.

Владимир Данилович Спасович являлся не только выдающимся преподавателем и судебным оратором второй половины XIX века, но и талантливым ученым. Внимание В. Д. Спасовича привлекали не только вопросы уголовного права и судопроизводства, но и отдельные аспекты авторских прав.

Важной задачей государства в области охраны интеллектуальной собственности в XIX веке являлось создание эффективного механизма предотвращения и пресечения незаконного использования объектов авторского права. Впервые нормы о правах сочинителей и переводчиков были закреплены в Уставе о цензуре от 22 апреля 1828 г. и в Положении о правах сочинителей, изданном в качестве приложения к Уставу о цензуре. С этого момента и до 1887 года положения об авторском праве, в той или иной степени, были связаны с цензурным законодательством.

Право литературной собственности (авторское право) в России XIX в. сформировалось как самостоятельный гражданско-правовой институт, отличавшийся от права собственности. Права авторские на произведения литературы и искусства именовались собственностью литературной, художественной или музыкальной. При этом авторские права на произведения литературы ограничивалось исключительным правом на издание такого произведения [1, с. 34]. Содержание права литературной собственности

состояло из двух правомочий: права пользования и права распоряжения. Правомочие пользования авторским правом включало право издания и продажи произведения на том языке, на котором написана книга, а также перевода книги, для которой требовались особые ученые изыскания [2, ст. 302].

В отношении других произведений перевод не являлся правом автора. Распоряжение авторским правом заключалось в полной или частичной уступке права. Право распоряжения авторским правом могло быть полным (безусловная и бессрочная уступка всех прав на произведение) или частичным (уступка права пользования, например, напечатания и продажи одного или нескольких изданий произведения) [1, с. 34].

Собственность художественная определялась как «...исключительное право повторять, издавать или размножать оригинальное произведение всеми возможными способами тому или другому искусству свойственными...» [2, ст. 321]. При этом права на музыкальные произведения были еще обширнее и совмещали в себе: исключительное право на печатание и продажу этих произведений [2, ст. 347] и право разрешать публичное исполнение этих произведений, «...произведения музыкальные не могут быть исполнены до издания их в свете или после издания, если на печатных изданиях автор объявил, что он не допускает публичного исполнения их...» [2, ст. 349].

Большинство ученых сходились в том, что значение права литературной собственности заключалось в срочном пользовании и распоряжении результатами творческого труда. Такой взгляд на природу авторского права отражен и в работах В. Д. Спасовича, который являлся сторонником ограничения права литературной собственности, сокращения срока охраны авторского права, исключения некоторых объектов (в частности, писем) из сферы действия авторского права. Единственный элемент сходства этих правовых институтов заключался в наименовании объектов – «благоприобретенное имущество».

Субъектами авторского права признавались любые лица, как физические, так и юридические (художественные общества, академии и университеты). Не делалось различий относительно произведений литературных и художественных между русскими поданными, и иностранцами, «...произведения подлежали защите не смотря на национальность автора...» [1, с. 35].

Относительно музыкальной собственности законодательство придерживалось иных начал и обращало внимание именно на национальность сочинителей, «...оно охраняет от контрафакции всякое произведение композитора русского или даже иностранного, пребывающего в России, пока он пребывает в России, хоты бы это произведение издано было за границей...» [2, ст. 354].

По мнению В. Д. Спасовича, такое различие между собственностями литературной и художественной с одной стороны и музыкальной с другой стороны не может быть логическим, «едва ли заслуживает одобрения принцип национальности, введенный для определения авторских прав композиторов, потому что он крайне усложняет и запутывает вопрос, ставя его в зависимость от таких обстоятельств и условий, которые с трудом могут быть доказаны...» [1, с. 35] «...при решении дел о собственности литературной и художественной спрашивается только об одном: где издано произведение? Если оно издано в России или в государстве, с которым Россия условилась относительно взаимной защиты прав авторских на это произведение, ничего больше не требуется, напротив при решении дел о собственности музыкальной, требуется предварительно определить издано ли произведение и где, кем (русским или иностранным композиторов), если это иностранец, то находится ли он в России или нет и т. д...» [1, с. 36].

До 1857 г. в Положении о правах сочинителей содержалось лишь наименование объекта авторского права – книга как благоприобретенное имущество и устанавливался примерный перечень видов литературной собственности, которые могли иметь значение объекта. В последующем к объектам права литературной собственности были отнесены произведения наук и словесности. При этом к словесности относилась любая мысль выраженная словом устным, письменным или печатным [1, с. 36].

В. Д. Спасович указывал, что: «...право авторское обуславливается следующими качествами произведения: оно должно принадлежать к области литературы и искусства; оно должно представлять ценность меновую, не предназначенную, еще до его обнародования, для безвозмездного пользования; по содержанию своему произведение должно являться плодом творчества; по внешности своей произведение должно представляться чем-то

сделанным, законченным, способным к воспроизведению и к коммерческому использованию...» [1, с. 36]. Таким образом, авторское право должно было создавать благоприятные условия для творческой деятельности авторов, гарантировать им возможность самостоятельно и свободно распоряжаться своими произведениями, при этом в юридической науке того времени продолжал действовать взгляд на авторское право как имущественное право, которое принадлежало к разряду собственности.

В заключение хотелось бы отметить, что В. Д. Спасович был одним из первых ученых, который дал оценку объектам авторского права в науке гражданского права и в юридической литературе.

Список использованных источников

1. Спасович, В. Д. Права автора и контрафакция / В. Д. Спасович // Журнал министерства народного просвещения. – 1865. – 106 с.
2. Устав о цензуре 1804 г // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. – СПб, 1862. – § 9. – С. 87.

УДК 94:341:929*В. Д. Спасович

Н. В. Копыткова

*канд. юрид. наук, доц.,
УО «ГГУ им. Ф. Скорины»*

ВЛИЯНИЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ В. Д. СПАСОВИЧА НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В данной статье дан краткий анализ выводов В. Д. Спасовича, которые он сделал в своей магистерской диссертации по проблемам международного морского права. Показана связь научных выводов В. Д. Спасовича с практикой государств в использовании морских пространств. Отражена взаимосвязь научного исследования В. Д. Спасовича и международных правовых актов по вопросам отмены каперства и прав государств на нейтралитет во время войны.

Владимир Данилович Спасович – видный представитель прогрессивных слоев русской интеллигенции XIX века. При всей

широте его круга деятельности основу жизни В. Д. Спасовича составляли научные исследования. Работая в Петербургском университете – он педагог исследователь; будучи адвокатом он многое сделал, чтобы подвести под защиту научную базу; его научные исследования имели широкое разветвление в области права: уголовного, гражданского, авторского, семейного, государственного. Труды В. Д. Спасовича в области международного права получили международное признание.

В 1851 в Санкт-Петербурге, в типографии Департамента внешней торговли выходит монография в объеме 7 авторских листов: «Спасович В. Д. О правах нейтрального флага и нейтрального груза. Рассуждение, представленное юридическому факультету Императорского С.-Петербургского университета кандидатом Юридического Факультета, разряда Наук Юридических, Владимиром Спасовичем для получения степени Магистра Общеправового Права» [1]. О своей магистерской диссертации он в последствие скажет, «выводы, которыми я заканчивал свою магистерскую диссертацию и которые я представил в виде благих пожеланий, сделались потом актом международного Парижского конгресса 1856 г.» [2, с. 95].

Парижский конгресс (13 (25) февраля 1856 года) — это многосторонние международные переговоры с целью завершения Крымской войны (1853–1856 гг.), увенчавшиеся подписанием Парижского трактата. В нём участвовали полномочные представители России, Франции, Англии, Австрии, Сардинии, Оттоманской империи, а также Пруссии. Парижский конгресс положил начало новому периоду европейских международных отношений, что не могло не оказать влияния на развитие международного права в целом. Наиболее важную роль в развитии международного права сыграла Парижская декларация в отношении международного морского права. Именно в неё и вошли основные выводы и положения магистерской диссертации В. Д. Спасовича.

В своей монографии В. Д. Спасович затронул правовые проблемы обеспечения нейтралитета государств в войне, и в частности, их право на свободное передвижение грузов по морю, т. е. свободу торговли.

До Парижского конгресса в международных отношениях действовала обычная норма о признании каперства и международным

правом этот вопрос никак не регулировался. Каперы – это частные лица, которые с разрешения верховной власти воюющего государства использовали вооруженное судно с целью захвата торговых кораблей неприятеля и нейтральных держав.

Спасович В. Д. предложил и обосновал с точки зрения международного права необходимость запрещения каперства не только в отношении торговых судов нейтральных держав, но и воюющих государств. В своей магистерской диссертации он дал определения праву нейтрального флага и праву нейтрального груза. «Подъ правами нейтральнаго Флага, мы понимаемъ право на безпрепятственный перевозъ на нейтральныхъ корабляхъ по открытому морю товаровъ, принадлежащихъ равно нейтральнымъ подданнымъ, какъ и подданнымъ воюющихъ государствъ, когда эти товары не составляютъ предмета военной контрабанды, а *подъ правами нейтральнаго груза* – свободу отъ захвата воюющими товаровъ не считающихся военною контрабандою хотя бы они и находились на неприятельскихъ корабляхъ» [1].

В своем труде Спасович пишет, что нейтралитет государства в войне предполагает взаимные права и обязанности воюющего и нейтрального государства. Нейтральное государство обязано сохранять беспристрастность к воюющим и избегать любых неприятных действий по отношению к ним. Со своей стороны воюющие государства не должны нарушать права нейтрального государства. Одним из таких прав нейтрального государства является право на свободу торговли, в том числе с воюющими государствами. Торговые отношения с воюющим государством могут осуществляться либо продажей продукции нейтрального государства непосредственно на его территории, либо продажей с торгов своих товаров на территории воюющих государств, либо путем перевозки товаров воюющих государств на территорию нейтрального государства. В последнем случае груз воюющего государства, находящийся на нейтральном корабле, должен быть неприкосновенным, так как тот, кто имеет право на перевозку груза, тот имеет право и на совершение этой перевозки. Тем самым Спасович опровергает мнение о том, что частные права менее важны, чем права воюющих на самозащиту. Нельзя смешивать понятия «государственная необходимость» и «государственная польза». Воюющим позволены все средства направленные

на ослабление мощи противника, однако препятствия перевозке груза никак не ослабят и не уничтожат военную мощь противника, а только нанесут ущерб нейтральным частным лицам и заставят противника прибегать к репрессалиям. Спасович приходит к выводу, что захват товаров, перевозимых нейтральным государством, нарушает не только право собственности нейтрального перевозчика, но и права нейтрального государства. Груз должен быть признан нейтральным и не подвергаться конфискации, если это не контрабандный товар. Торговый или военный корабль должен рассматриваться как продолжение территории той державы, под флагом которой ходит судно. В настоящее время это называется экстерриториальностью.

На Парижском конгрессе 1856 г. встал вопрос о полном уничтожении каперства. Представители Англии, которая до того противилась всяким попыткам в этом направлении, охарактеризовали каперство, «как организованный и узаконенный морской разбой». Уничтожение каперства было признано необходимым условием признания свободы нейтральной торговли.

4(16) апреля 1856 г. была принята Декларация о принципах международного морского права, в которой нашли отражение основные положения и выводы научного труда В. Д. Спасовича.

Декларация гласит:

Уполномоченные, подписавшие Парижский трактат 18 (30) марта 1856 года, собравшись в конференцию и приняв во внимание:

что морское право во время войны было в течение долгого времени предметом прискорбных споров;

что неопределенность права и обязанностей в этом вопросе служит причиной разногласий между нейтральными и воюющими, могущих породить серьезные затруднения и даже столкновения;

что уполномоченные, собравшиеся на Парижском конгрессе, не могут лучше выразить намерения, одушевляющие их правительства, как стараясь ввести в международные отношения твердые начала, сюда относящиеся, вышеупомянутые уполномоченные, имея надлежащие полномочия, пришли к соглашению о средствах достигнуть эту цель и торжественно провозгласили нижеследующую декларацию:

1) Каперство отныне навсегда отменяется,

2) Нейтральный флаг покрывает неприятельский груз, за исключением военной контрабанды;

3) Нейтральный груз, за исключением военной контрабанды, не подлежит захвату под неприятельским флагом;

4) Блокада, чтоб быть обязательной, должна быть действительной, т. е. поддержанный достаточной силой для действительного воспрепятствования доступа к неприятельскому берегу [3].

В последствие данные положения нашли закрепление в международных актах договорного характера, которые приобрели для государств обязательную силу. В частности в Гаванской конвенции 1928 г. О нейтралитете во время морской войны закреплено право на торговлю, за исключением военной контрабанды, со всеми воюющими государствами.

XI Гаагская конвенция о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне 1907 г. гласит: «Почтовая корреспонденция нейтральных или воюющих, будь то официальная или частная, найденная в открытом море на нейтральном или неприятельском судне, – неприкосновенна» (ст. 1). Суда, исключительно предназначенные для берегового рыболовства или для потребностей мелкого местного мореплавания, не подлежат захвату, как равно и их машины, снасти, приспособления и груз (ст. 3). Равным образом, освобождены от захвата суда, выполняющие научные, религиозные и филантропические поручения (ст. 4) [4].

Список использованных источников

1. Владимиръ Спасовичъ. О правахъ нейтрального флага и нейтрального груза. – С.-Пб, 1851 [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://naukaprava.ru/catalog/411/414/4062/25103?view=1>. – Дата доступа: 01.11.2016.

2. Смолярчук, В. И. В. Д. Спасович: ученый-юрист, литератор, судебный оратор // Советское государство и право. – 1980. – № 12. – С. 93–99.

3. Декларация о принципах морского международного права [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/27118>. – Дата доступа: 01.11.2016.

4. XI Гаагская конвенция о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне 1907 г. [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=21701. – Дата доступа: 24.10.2016.

М. В. Тимошенко, Л. Е. Можяева

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

ВЗГЛЯДЫ В. Д. СПАСОВИЧА НА РОЛЬ АДВОКАТУРЫ И АДВОКАТОВ

В статье освещаются адвокатская деятельность выдающегося ученого и юриста В. Д. Спасовича. Приводятся высказывания В. Д. Спасовича о профессиональных и моральных качествах адвокатов, цитаты из выступлений по наиболее известным делам. В статье уделено внимание позиции В. Д. Спасовича по вопросу о роли адвоката, назначаемого судом, анализируются его взгляды на адвокатуру в целом, состязательность процесса.

Владимир Данилович Спасович оставил яркий след в истории юриспруденции. Он родился 16 января 1829 г. в Минской губернии в семье врача. Начальное образование получил в Минской гимназии, которую окончил с золотой медалью в 1845 г. В 1849 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. Через два года защитил магистерскую диссертацию по международному праву. Преподавал, возглавлял кафедру уголовного права на юридическом факультете. Был талантливым ученым в сфере уголовного процесса и уголовного права. В 1861 г. после студенческих волнений вместе с группой других профессоров оставил университет.

В. Д. Спасович отдал адвокатской деятельности 40 лет своей жизни, опубликовав за это время десять томов сочинений, посвященных самым разнообразным отраслям знаний. Крупнейшими исследованиями являются «О праве нейтрального флота и нейтрального груза», «Об отношениях супругов по имуществу по древнему польскому праву» и ряд работ, посвященных гражданскому праву.

В. Д. Спасович являлся адвокатом по таким известным делам, как дело Дементьева, дело Овсянникова, дело Дмитриевой и Каструбо-Карицкого, дело о Павле Гайдербове, дело об уроженце царства Польского, дворянине Евстафие Шомберге-Колонтае, дело о Почетном гражданине Петре Щапове, дело об убийстве фон Зона, дело о кишиневском мировом Судье

Кирияке, «Нечаевское» дело, дело Мельницких, дело Кроненберга, дело партии Пролетариат.

Личность, профессионализм, оказание юридической помощи малоимущим и отношение к политике – это те основные моменты в жизни и работе В. Д. Спасовича, которые имеют значение сегодня для современного адвоката. В. Д. Спасович был уверен, что защитник должен быть исключительно честным и порядочным не только в самой профессии, но и в целом иметь безукоризненную репутацию, поскольку по поступкам отдельных членов сообщества люди судят об институте в целом.

В. Д. Спасович считал, что дар свободного слова предоставлен адвокату для облегчения участи подсудимого, однако им не следует пользоваться для распространения преступных или противобщественных идей.

Известно, что сам Спасович виртуозно владел словом. Его речь, которая могла начинаться необычно, разворачивалась в монолог, который не мог оставить безучастным и равнодушным никого из присутствующих. Он уделял особое внимание выяснению того, что за человек обвиняемый и подходит ли содеянное им под то определение закона, на котором настаивает обвинитель.

Современники отмечали блестяще продуманные речи адвоката. В его выступлениях не было напыщенности, а наоборот, все было просто, разумно, а главное – доходчиво. К примеру, в процессе по обвинению миллионера С. Т. Овсянникова в преднамеренном поджоге на упрек защитника Овсянникова, что Спасович строит все свои выводы на одних косвенных уликах, на чертах и черточках, Спасович ответил: «Ну да! Черты, черточки! Но ведь из них складываются очертания, а из очертаний – буквы, а из букв – слоги, а из слогов возникает слово, и это слово «Поджог!»

В. Д. Спасович утверждал, что подсудимый может махнуть рукой на все юридические подробности, но не его защитник: он по званию своему обязан воспользоваться всеми способами защиты, он должен стараться хоть на волос уменьшить ответственность, а следовательно, и наказание.

В. Д. Спасовичу принадлежат такие слова о речи адвоката: «Мы до известной степени рыцари слова живого, свободного, более свободного ныне, чем в печати: слова, которого не угомонят самые рьяные свирепые председатели, потому что пока председатель

обдумает вас остановить, уже слово ускакало за три версты вперед и его не вернуть».

Сам Спасович не любил экспромты и всегда тщательно готовился к делу: «Говорить на суде, не подготовившись, экспромтом, очень трудно. Скажу вам про себя: когда я оставил кафедру и выступил в качестве защитника, в первое время я так терялся, что принужден был писать речи и читать их на суде, только продолжительная практика научила меня говорить речь без помощи тетрадок», – говорил он.

Спасович отмечал, что, помогая суду заглянуть в тайны души подсудимого и изучить ее изгибы, защитник должен сказать в пользу обвиняемого все, чего он сам не может, не умеет или не хочет сказать, не закрывая при этом глаза на истину и не указывая голословно на влияние и воздействие среды, личностей или обстоятельств, без их тщательного изучения и проверки и без сопоставления личности искушаемого со свойствами и приемами искушения.

Девизом великого адвоката было выражение Канта: «...искусство мало говорить, но много заставлять думать». Однако всем его выступлениям были присущи научный анализ и установление методов исследования спорных моментов. Постоянное совершенствование, самообразование – вот что помогало нашему предшественнику быть всегда услышанным. Он был очень требователен к себе и коллегам по работе. Речи свои отрабатывал в мельчайших подробностях. Спасович считал, что адвокат должен стремиться к обширным знаниям, многогранности, творческому развитию, что актуально для профессионалов в настоящее время.

Поэтому не случайно мы говорим сегодня о необходимости повышения квалификации, участия в конференциях, форумах, в том числе и международного уровня, о постоянном совершенствовании знаний не только адвокатами, но и всеми юристами.

В. Д. Спасович высказывался и об осуществлении защиты по назначению суда. Он отмечал, что это такая же служба, как воинская повинность; ее можно исполнять двояко, как казенщину, формально, или с усердием, влагая душу в тело, употребляя все усилия, чтобы подействовать на ум и сердце судей. Он полагал, что только тот, кто исполняет эту обязанность последним из двух способов, заслуживает, чтобы его уважали.

Владимир Данилович также четко формулировал свои представления о роли не только адвоката, но и прокурора. Прокурор

не должен выступать как «орган государственной инквизиции, глаз правительства, надзирающий за правильностью решению судов», ему следует быть истцом по делам государства и общества. «Другого лучшего стража закона не может быть как судья... только судья может быть представителем и органом закона. Обставьте выбор судьи самыми строгими условиями, потребуйте от него, чтобы он судил открыто, гласно, но не ставьте его под влияние государственной власти...»

О роли адвокатов он говорил: «Без адвокатов нет никакого равновесия между обвинением и защитой; не одинаковы шансы состязания между прокурором, снабженным могущественными средствами розыска, и подсудимым, который изолирован в обществе уже по самому падающему на него подозрению, который часто лишен свободы, которому неизвестен ход проводимого о нем следствия, который большей частью не знает и закона и, когда виноват, не умеет привести для смягчения уголовной ответственности уменьшающих его вину обстоятельств. В случае бедности подсудимого необходимо обеспечить его даровым защитником».

Вопрос равновесия в процессе, состязательности в суде актуален и сегодня. И как подчеркивает А. Г. Лукашенко, «говоря о народном правосудии, мы должны наконец-то реально обеспечить презумпцию невиновности во всех видах судопроизводства. При недоказанности вины должно следовать оправдание. Ни в коем случае не «натягивать» до обвинения или применения санкций. При неясности или нечеткости предписаний правового акта суд, принимая решение, должен исходить из максимального учета интересов граждан и юридических лиц».

В. Д. Спасович был уверен, что только сплоченная крепкая адвокатура может быть востребована обществом и государством. Так, по его мнению, адвокатуре необходимо дать крепкую сословную организацию, с сильной властью дисциплинарного надзора и исключения из среды всякого, замеченного в деле не только противозаконном, а и просто нечестном, властью заступничества за всякого члена, несправедливо притесняемого судом. Особое внимание в своих выступлениях великий адвокат уделял чистоте рядов адвокатуры: «Коль скоро корпорация сделается приютом для всякого, хотя бы нечистоплотного народа, то порядочные люди уйдут», – отмечает он.

Слова В. Д. Спасовича о порядочности адвоката напрямую перекликаются с современными правилами профессиональной этики адвоката: «Достоинство профессии адвоката обеспечивается его особым моральным отношением к самому себе, определяющим соответствующее отношение к нему со стороны общества. Утверждение и поддержание достоинства адвоката предполагают совершение соответствующих нравственных поступков и несовершение поступков, унижающих его достоинство. Унижающим профессиональное достоинство считается такое поведение адвоката, которое порочит его высокое звание и подрывает доверие общества к адвокатуре».

Говоря о Спасовиче, необходимо отметить, что, не являясь государственным чиновником, Спасович всегда был государственным человеком. Он смело обращал внимание на ошибки чиновников, критиковал их, отмечая, что они, якобы защищая интересы государства, на самом деле действуют против него.

В своих рассуждениях Спасович продолжает: «Бояться ли нам, что министерство юстиции ударит нас по шапке и предложит отменить организацию? Отменить можно и присяжных заседателей, и несменяемость судей, и сами судебные уставы... Уйти с честью, сражаясь до последней минуты, не беда: беда – постыдно устать, беда – самим на себя наложить руку. Вот чего я боюсь и против чего надобно общими силами обороняться. Вы меня спросите: да как же так, да разве это возможно? Да, к несчастью, оно очень возможно. Я вам объясню, как эта беда может произойти. Она произойдет, когда мы забудем, что мы вольное братство, когда мы запретим вход в это братство сначала еврею, потом татарину, немцу, поляку и всякому иному, кроме русского языка; когда мы будем ставить наш сословный мелкий интерес выше общественного и государственного».

Таким образом, взгляды В. Д. Спасовича на адвокатов и адвокатуру актуальны сегодня. Адвокатура как институт может и должна играть гораздо большую роль в обществе, учитывая огромный опыт ее поколений. Опыт В. Д. Спасовича подтверждает, что успех юриста – в глубоком знании потребностей развития, истории и психологии человека, в его умении анализировать, в умении слушать клиента и оппонентов.

М. А. Тюленева

ФГАО УВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского»

ВКЛАД В. Д. СПАСОВИЧА В ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ XIX ВЕКА

В статье рассматриваются взгляды представителей политико-правовой мысли России XIX века на просвещение населения. Анализируются либеральные взгляды В. Д. Спасовича и его точка зрения на необходимость развития высшего образования, его доступность для всех слоев населения. Прослеживается общественная деятельность В. Д. Спасовича по правовому просвещению населения.

В настоящее время в Российской Федерации все более ярко прослеживаются тенденции, направленные на повышение уровня правосознания и правовой культуры общества, снижение уровня правового нигилизма. Это обусловлено тем, что без высокого уровня правовой культуры не могут быть в полной мере реализованы такие базовые ценности и принципы жизни общества, как верховенство закона, приоритет человека, его неотчуждаемых прав и свобод, обеспечение надежной защищенности публичных интересов.

В апреле 2011 г. Президентом Российской Федерации утверждены Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, в которых определяются принципы, цели, основные направления и содержание государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. Среди основных направлений осуществления государственной политики в данной сфере указаны:

- 1) правовое просвещение и правовое информирование граждан;
- 2) развитие правового образования и воспитания подрастающего поколения в образовательных учреждениях различного уровня посредством внедрения в образовательный процесс учебных курсов, программ, учебно-методических материалов, обеспечивающих получение знаний в области права;

3) совершенствование системы юридического образования и подготовки квалифицированных юристов и педагогических кадров в области права;

4) преобразования в сферах культуры, массовой информации, рекламной и издательской деятельности, направленные на формирование высокого уровня правовой культуры и правосознания граждан;

5) совершенствование деятельности государственных и муниципальных органов, правоохранительных органов, направленной на обеспечение законности и правопорядка и повышение правосознания служащих государственных и муниципальных органов;

6) совершенствование деятельности в области оказания квалифицированной юридической помощи, в том числе создание эффективной системы бесплатной юридической помощи.

Именно вопрос о просвещении населения являлся одним из наиболее ярко иллюстрирующих существовавший антагонизм взглядов представителей различных направлений политико-правовой мысли России XIX века. Это было обусловлено тем, то на пути превращения России в правовое государство, решение задачи повышения уровня народного правосознания и образования приобретало исключительно важное значение.

В России XIX века к средствам достижения просветительских целей, определенных Санкт-Петербургским юридическим обществом, относились следующие: занятия в заседаниях; издание печатных органов, печатание протоколов заседаний и трудов членов обществ, брошюр юридического содержания; чтение публичных лекций; учреждение премий за научные сочинения по установленным и свободным темам; создание библиотек; организация бюро по оказанию бесплатной юридической помощи населению [1, с. 184].

Отношение к указанному вопросу со стороны наиболее ярких представителей политико-правовой мысли России обозначенного периода, было диаметрально противоположным. Так, наиболее яркий представитель либерального направления политико-правовой мысли Б. Н. Чичерин отмечал, что с судьбой русского просвещения связана, можно сказать, сама судьба России, для которой просвещение составляет насущную потребность [2, с. 45].

Напротив, консервативно настроенный граф Д. А. Толстой, резко критиковал мероприятия министра народного просвещения А. В. Головнина. Он был убежден, что просвещение вредно для народа, что оно должно быть доступно лишь узкому кругу избранных, что русская молодежь и интеллигенция – это сборище нигилистов, мечтающих лишь о том, чтобы избавиться от правительства, которое заботится о благе страны [3, с. 287–289].

Принимая самое активное участие в проведении мероприятий, направленных на просвещение населения, В. Д. Спасович не разделял точку зрения графа Д. А. Толстого. Так, в одной из своих застольных речей В. Д. Спасович крайне негативно отзывался о министре народного просвещения Д. А. Толстом. Он говорил о том, что граф Дмитрий Толстой значительно затормозил в России ход общественного развития и отравил жизнь нескольких подрастающих поколений. Он осуждал Д. А. Толстого не потому, что он классик, а не реалист, и даже не потому, что он был представителем ненавистной литературной партии, которая с величайшей нетерпимостью господствовала в школе, угнетая всех иначе, чем она думающих. Он его осуждал за систематическое стеснение высшего образования и в качественном и в количественном отношении: в качественном – за притеснение его достоинства, самостоятельности, свободы; в количественном – за стеснение искусственными препятствиями, древними языками и экзаменами доступа к высшему образованию, такой организацией учебного процесса, который открывал доступ к получению образования только зажиточным и богатым людям. Как отмечал В. Д. Спасович, удаление со сцены действий графа Д. Толстого имеет то огромное значение, что оно после многих и многих лет образует первую трещину в нависшем своде реакции. В. Д. Спасович надеялся на то, что может быть за этим облегчением последуют и другое и третье, может быть произойдет последовательно и постепенно переход к лучшему. Как только происходит трещина в одном месте системы, сразу же начинает разваливаться все и период реакции подходит к концу [4, с. 23–24].

Несмотря на закрытие в 1861 году Санкт-Петербургского университета, наиболее либерально мыслящие профессора, к которым относился В. Д. Спасович, стремились предоставить возможность получения образования как можно большему количеству слушателей, путем чтения публичных лекций.

Так, после закрытия Санкт-Петербургского университета, образовался своего рода комитет, в который входили И. Е. Андреевский, Н. И. Утин, В. Л. Гогоберидзе, А. Я. Герд, П. П. Фан-дер-Флит, Е. П. Печаткин, С. И. Ламанский, П. А. Гайдебуров, П. Л. Спасский, П. Ф. Моравский, Л. Ф. Пантелеев, а также студенты, принимавшие активное участие в студенческой истории.

Данный комитет решил в форме публичных чтений возродить чтение почти всех университетских курсов (кроме восточного факультета) [5, с. 259].

В публичных лекциях, читавшихся в период закрытия университета днем в залах городской думы и училища св. Петра, принимали участие: И. М. Сеченов (физиология животных), А. Н. Бекетов (морфология растений), А. С. Фаминцын (физиология растений), Н. Н. Соколов (органическая химия), А. В. Советов (агрономия), И. И. Ивановский (международное право), Б. Ф. Калиновский (финансовое право), И. Е. Андреевский (полицейское право и история философии права), В. Д. Спасович (уголовное право), К. Д. Кавелин (гражданское право), А. В. Лохвицкий (энциклопедия законоведения), Н. И. Костомаров (русская история), М. М. Стасюлевич (средняя история), Б. И. Утин (английские учреждения), А. В. Гадолин (физика), Д. И. Менделеев (химия), П. А. Пузыревский (геогнозия), И. Б. Штейнман (греческая этимология и Софокловы трагедии), Н. М. Благовещенский (сатиры Персия), И. Я. Горлов (политическая экономия) – всего 20 лекторов, наиболее популярных среди молодежи в те годы [5, с. 737].

Спокойную обстановку чтения лекций нарушило происшествие с профессором П. В. Павловым по поводу вечера в зале Руадзе. П. В. Павлов также читал что-то вроде курса философии истории. Как только стало известно, что П. В. Павлов высылается в Ветлугу, сразу же в студенческом комитете почти единодушно было решено в виде протеста закрыть все лекции, но для этого нужно было иметь согласие профессоров. Профессора собрались в квартире В. Д. Спасовича. Все они одинаково были возмущены высылкой П. В. Павлова. Как только делегаты поставили вопрос, могут ли продолжаться лекции, то М. М. Стасюлевич, Б. И. Утин, В. Д. Спасович, К. Д. Кавелин и Н. И. Костомаров самым решительным образом высказались против

закрытия лекций. Они считали меру, принятую против П. В. Павлова, ничем не оправдываемой, но не видели никакой связи между данным происшествием и лекциями. Тем не менее, большинство профессоров высказалось за закрытие лекций, причем предварительно было постановлено, что решение будет обязательно для меньшинства [5, с. 261–262].

Несомненно, что чтение публичных лекций оказывало огромное влияние на просвещение населения, поскольку лекции усердно посещались не только студентами, но и заинтересованной публикой. Однако, несмотря на мнение наиболее либерально настроенных профессоров, в том числе и В. Д. Спасовича, чтение публичных лекций прекратилось.

Таким образом, проиллюстрировав лишь отдельное направление общественной деятельности В. Д. Спасовича, можно с уверенностью утверждать, что В. Д. Спасович принимал самое активное участие в происходящих событиях в России, современниками которых он являлся. Неоспорим тот факт, что он внес значительный вклад в правовое просвещение населения. Кроме того, в приверженности В. Д. Спасовича мнению, что необходимо предоставить открытый доступ к образованию всему желающему населению, проявилась либеральная направленность взглядов В. Д. Спасовича.

Список использованных источников

1. Миридонова В. С. Юридические общества в России (1865–1917 гг.). Дисс... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2002. – 184 с.
2. Чичерин Б. Н. Что нужно для русских университетов? – М.: Изд-во К. Солдатенкова, 1862. – 45 с.
3. Либрович С. Ф. На книжном посту: Воспоминания, записки, документы. Пг.-М.: Издание Т-ва М. О. Вольф., 1916.
4. Спасович В. Д. Застольные речи в собраниях сословия присяжных поверенных округа С.-Петербургской судебной палаты (1873–1901). – Лейпциг: Ди Вельт., 1903.
5. Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 259 с.

А. И. Фелькин, Е. И. Усова

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

**«КОРОЛЬ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ»
В. Д. СПАСОВИЧ НА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ
В 1860–1890-Х ГОДАХ**

Статья посвящена деятельности известного российского адвоката, выходца из Беларуси – В. Д. Спасовича, во второй половине XIX в. Этот человек, которого прозвали «королем российской адвокатуры» и «первым адвокатом Петербурга», был одним из лучших юристов своего времени. Статья раскрывает стратегию, приемы и методы защиты, которые он применял, участвуя в качестве присяжного поверенного на политических судебных процессах.

Владимир Данилович Спасович, уроженец Речицы, получивший в среде прогрессивной российской общественности неофициальный, но почетный титул “король российской адвокатуры”, профессионально начал свою правозащитную деятельность, вступив в состав присяжных поверенных 31 мая 1866 г.

Современники отмечают научный подход В. Д. Спасовича к адвокатской работе. Речи Владимира Даниловича отличались строгой композицией, подлинно научным анализом доказательств. Он часто подвергал сомнению и оспаривал сомнительные утверждения экспертов, так как обладал глубокими знаниями во многих специальных дисциплинах (в частности в судебной медицине). В. Д. Спасович всегда уделял огромное внимание предварительной подготовке и не любил экспромтов. Начиная свои речи, В. Д. Спасович немало удивлял ранее незнакомых с его выступлениями слушателей. Вначале он всегда начинал как бы с трудом, чуть ли не заикаясь, но через пару минут оратор преображался и произносил свою речь в полном блеске мысли и формы. Сейчас невозможно сказать, было ли такое начало приемом («работа на контрасте») либо органическим свойством Владимира Даниловича, однако в конце речей аудитория всегда была покорена. Речи В. Д. Спасовича ценили его коллеги, в частности А. Ф. Кони [1].

Наиболее яркая страница его карьеры была связана с участием на судебных политических процессах, которые отражали сложную и драматичную борьбу в российском обществе эпохи реформ вокруг путей и методов прогресса. Радикальные круги выдвигали жесткие “формулы прогресса”, требовали их немедленной и максимальной реализации. С 1860-х гг. их лагерь рос и активизировался, перейдя с конца 70-х гг. к террористическим формам борьбы как одному из инструментов давления на власть. В этих условиях В. Д. Спасович встал на стезю защиты гарантированных законом и судебной системой базовых прав личности. Так по подсчетам известного исследователя Н. А. Троицкого, с 1866 по 1895 г. он 13 раз участвовал в таких крупных судебных процессах, которые имели широкий общественный резонанс. Причем это были наиболее крупные политические дела того времени: процессы нечаевцев, долгушинцев, польской партии “Пролетариат”, “дело о Германе Лопатине (“дело 21-го”)”, “193-х”, “50-ти”, “14-ти”, “17-ти”, “22-х”, “20-ти” и других [2, с. 188].

Важной составляющей адвокатской стратегии В. Д. Спасовича в разборе дел революционных организаций и их участников было приуменьшение их действительной роли и масштабов деятельности. Далее он сводил всю их идеологию к утопическим схемам, которые не имели опасности для власти. Так, например, организацию “москвичей” правовед сравнивал с муравейником, который задумал разрушить Монблан. На процессе организации “долгушенцев” он и вовсе не поскупился на фантастическое сравнения ее состава с “20–30-ю людьми, которые попытались бы произвести волнения и всколыхнуть водную поверхность просто дуя на нее”, выводя идею невозможности проведения ими в жизнь действий реально угрожавших власти [3, с. 151].

В деле польской партии “Пролетариат” В. Д. Спасович констатировал то, что задачи и действия этой партии были направлены в русло экономических и социальных перемен, но никак не политических потрясений, угрожавших ниспровержением государственности. Следовательно, квалифицировать деятельность его подсудимых как государственное преступление не состоятельно [4, с. 143–144].

Переходя к защите своих клиентов, В. Д. Спасович всячески пытался показать несостоятельными “улики” следствия. Вся его

стратегия защиты сводилась к тому, чтобы: 1) разрушить доказательную базу обвинения и 2) показать альтернативную картину произошедшего, т.е доказать невиновность клиента или же преуменьшить его действительную роль в политическом преступлении.

Так, разбирая показания свидетелей (т. е то, что составляло базу обвинения), которые были не в пользу подсудимых, он порой видел в них необъективные оценки и даже оговоры. Адвокат мотивировал это тем, что это показания лиц, избежавших наказания, и предоставленные суду существенно отличались от показаний, полученных на стадии предварительного следствия. Спасович утверждал, что эти сведения не могут использоваться стороной обвинения по причине, их противоречивости, частично ложности, в них много искусственного пафоса, мало фактов, а иногда они основываются исключительно на догадках [4, с. 123–125].

Кроме опровержения показаний свидетелей “король адвокатов” пытался также оспаривать и вещественные доказательства, т. е. документы имевшие политическую начинку, найденные у своих клиентов или принадлежащие им. В этих случаях В. Д. Спасович начинал их собственный анализ, всячески стараясь ввести за границы содержания их политическую враждебность и “пролог к бунтарству”, или по крайней мере – приуменьшить это значение. Так, разбирая по делу “193” рукописи В. Щепкина, которые служили последнему обвинением, В. Д. Спасович активно и целенаправленно проводил мысль о том, что это лишь “литературное упражнение”, не направленное сознательно на подрыв устоев государства.

В. Д. Спасовичем подчеркивалась несостоятельность отдельных методов следствия, методов обвинения и процессуальных “промахов”. На этом основании он, как альтернативу, предлагал свою версию произошедшего. Примером указания на ошибки представителей обвинительной стороны можно назвать вскрытую Спасовичем необоснованность распределения на 17 групп подсудимых в деле “193-х”. Так, в этом деле между членами этих групп формально отсутствовала какая-либо связь и в ряде случаев они были вовсе незнакомы. В данном случае Спасович доказывал, что разделением на группы сторона обвинения сама номинально доказала, что данные 193 человека не являются единым сообществом. Еще одним просчетом следствия Спасович называл выделение

“кружков” иногда состоявших из 1-го человека и запись в организаторы не реальных руководителей, а лишь известных людей [5].

В ряде политических процессов, как справедливо отмечают многие ученые, главным для обвинения было не столько доказать индивидуальную вину подсудимого, сколько доказать его причастность к революционной организации. Поэтому “1-й адвокат Петербурга” был вынужден играть по этим правилам. В таких случаях, Владимир Данилович всячески пытался доказать или то, что это не революционный кружок (определенный в 3 человека) или же доказать непричастность клиента к этому кружку. Так в ряде дел можно выявить тенденцию того, что Спасович, настойчиво доказывает непричастных чужих клиентов к революционной деятельности, а, следовательно, проводит линию отсутствия связи и количества человек (главные атрибуты кружка) то есть отсутствием самого революционного кружка или говоря иными словами, организованной революционной деятельности. Примером данного варианта обороны можно привести упомянутую выше защиту В. Н. Щепкина в деле “193”. Так юрист доказывает связь В. Н. Панютиной с революционером С. Е. Устюжаниновым не как идеологические. А, следовательно, между ними не политическая, а дружественная. И из этого следует, что революционного кружка никак не могло быть, впрочем, как и быть самого обвинения, т. к. были оспорены главные параметры кружка – количества людей в 3 человека и сама их связь [4, с. 14].

Если говорить о косвенном перекладывании вины, то здесь В. Д. Спасович излагал свои доводы более продуманно. Так, например, для опровержения, что организатором ЦК “Пролетариата” был Ф. Ю. Рехневский, он акцентировал в нем качества, не присущие лидеру, и косвенно указывал на наличие таких задатков руководителя у Л. С. Варынского.

Одним из излюбленных методов, направленных на смягчение вины революционеров у В. Д. Спасовича являлись попытки представить своего клиента “орудием в чужих руках”. Он умело представлял своих клиентов легко подверженными сильному психологическому влиянию со стороны других сильных личностей, одновременно показывая отсутствие у них реальных революционных взглядов и настроений. Применение этого метода можно найти в процессе защиты Петра Якубовича по делу “21-го”.

В. Д. Спасович убедительно показал, что С. П. Дегаев оказал сильнейшее психологическое воздействие на П. Якубовича, который и стал его орудием [4, с. 220].

Одним из вариантов защиты клиентов у В. Д. Спасовича было отрицание в их действиях преступного умысла. Примером таких методов обороны можно назвать выдвинутые В. Д. Спасовичем в процессе ПП “Пролетариат” опровержения обвинения Ф. Ю. Рехневского в осуществлении связей между Народной волей и польской партией “Пролетариат” и распространении революционных прокламаций. Так, факт встречи Ф. Ю. Рехневского с польскими революционерами в Варшаве В. Д. Спасович противопоставил версию того, что эта лишь случайность, произошедшая никак не по воле его клиента. В отношении же задержания подсудимого с поличным (сундучок с революционными прокламациями) юрист вывел версию о том, что эта была лишь дружеская помощь знакомым, о нелегальном статусе которых Ф. Ю. Рехневский не догадывался.

Порою перед началом судебного заседания В. Д. Спасович консультировал своих коллег и подсудимых, вырабатывая вместе с ними оптимальную стратегию защиты. Так было перед началом процесса “50-ти” (более известно, как дело “москвичей”), где на суде решили не признавать существование революционной организации и вести линию защиты подсудимых вне связи с кем-либо из «50-ти». Более того это дело вошло в историю и тем, что впервые на суде адвокаты прямо показали свою солидарность с подсудимыми по вопросу о деспотическом управлении государством, провоцировавшим радикальные настроения в обществе [2, с. 214].

В тех случаях, когда виновность подсудимого была налицо и практически неоспорима его революционная деятельность, В. Д. Спасович включал “козыри своей колоды”: он всячески пытался показать то молодость клиента, то незрелость его мировоззрения, возможность покаяния и возврата в будущем к законопослушному образу жизни. Адвокат зачастую констатировал незнание самими участниками революционных организаций о реальных целях данной революционной организации. Такими мерами, в пользу подсудимых, “первый адвокат Петербурга” пытался смягчить их вину, и, более того, заменить более суровую статью наказания на менее болезненную.

При анализе построения В. Д. Спасовичем судебной защиты революционеров, обращает на себя внимание и то, что он активно показывает положительные стороны своих клиентов, например, – их хорошую учебу в университете, литературные задатки, семья, в то же время склонность к социалистическим идеям объяснил духом времени и настроениями всего поколения [4, с. 219].

Одним из частых аргументов В. Д. Спасовича в пользу смягчения вины было указание на молодость обвиняемого. В силу этого “король адвокатов” видел в этом, прежде всего, незрелость мыслей и подверженность влиянию духу времени и настойчиво проводил мысль о том, что со временем, с возрастом, антиправительственная направленность просто бы угасла. В отношении своих молодых клиентов В. Спасович высказывался афористично: “подобно тому как они вышли из своей тарелочки, вскоре бы вернулись в нее обратно”. Из самой молодости подсудимых Спасович выводил идею о незрелости философских взглядов и убеждений подсудимых. В самом итоге адвокат отображает не революционную направленность убеждений и действий, как это подавалось обвинением, а всего на всего невыполнимость этих идей и действий, которые были не способны к ниспровержению власти. Так эти дела он переводил из ранга политических в ранг административных, менее опасных для правительства.

Список использованных источников

1. Спасович Владимир Данилович / Википедия. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Спасович/>. – Дата доступа: 27.11.2016.
2. Троицкий, Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866–1895 г. / Н. А. Троицкий. – М.: Мысль, 1979. – 350 с.
3. В. Д. Спасович – “Король русской адвокаты” / Е. А. Скриплев // Государство и право. – М.: Наука, 1995. – № 7. – С. 144–152.
4. Спасович, В. Д. Семь судебных речей по политическим делам (1877–1887) / В. Д. Спасович. – СПб.: Издательство В. Врублевского, 1908. – 237 с.
5. Троицкий, Н. А. Спасович Владимир Данилович (1829-1906) [Электронный ресурс] / Н. А. Троицкий // Корифеи российской адвокатуры / Троицкий Н. А. – М.: Центрполиграф, 2006. – 416 с. – Режим доступа: <http://secrethistory.su/424-spasovich-vladimir-danilovich-1829-1906.html>. – Дата доступа: 25. 03. 2016.

И. И. Эсмантович

канд. ист. наук, доц.,

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ В. Д. СПАСОВИЧА НА СУД ПРИСЯЖНЫХ

Правосудие – такая сфера общественной жизни, которая непосредственно связана с защитой прав и законных интересов граждан. Мировая тенденция в наше время — это расширение участия представителей гражданского общества в судопроизводстве. В связи с этим, интерес вызывает развитие взглядов В. Д. Спасовича на суд присяжных как потребность участия народа в судопроизводстве.

Несмотря на то, что ни один международный договор по правам человека не предусматривает участие народа в отправлении правосудия как обязательный компонент демократического и справедливого уголовного процесса, участие народа в отправлении уголовного правосудия, в особенности в форме суда присяжных, явилось ключевым элементом проведенных в Европе и в других странах реформ.

В конце XVII — начале XVIII вв. в Англии право на суд присяжных явилось основой для американского Билля о правах 1791 г. Франция ввела суд присяжных в 1789 г., большинство германских государств ввели суд присяжных после неудавшейся революции 1848 г. Суд присяжных также был включен в Уголовно-процессуальный кодекс объединенной Германии в 1871 г. Россия ввела суд присяжных в ходе великих судебных реформ, проведенных царем Александром II в 1864 г. За ней последовали Испания, Австрия, Дания, Норвегия и другие государства [1, с. 61–62].

К введению суда присяжных в России В. Д. Спасович относился с недоверием. В публичных лекциях «О теории судебно-уголовных доказательств», прочитанных в 1860 г. в Санкт-Петербурге, он высказывал опасение, что нравственно-юридическое развитие народа не подготовило его к участию в свободном и не стесняемом обязательными правилами суждения суде и что отсутствие привычки отличать закон от требования

начальства, а также присущая русскому человеку склонность видеть в преступнике «несчастливого» могут вредно отразиться на правильном отправлении правосудия.

Позднее, испытав русских присяжных заседателей на практике, Владимир Данилович стал на их сторону. Он отмечал некоторые недостатки суда присяжных, однако выступил его защитником против нападений позитивно-антропологической школы (Тард и др.) в лекциях «О новых направлениях в уголовном праве», прочитанных в Соляном городке в 1891 г.

Введение суда присяжных Габриэль Тард (французский юрист, социолог права) объяснял только раздражительностью. «Из Англии заимствован был сделавшийся модным институт джюри, дурно понятый и перенаряженный, и он с невероятной быстротой распространился и обошел кругом весь шар земной» [2, с. 128]. Распространение этого института совпадает с другими родственными ему явлениями современности, из одного с ним источника происходящими, с *souverainete du peuple*, всеобщей подачей голосов, с либеральными и конституционными учреждениями, с романтизмом. Основание заимствования заключалось в суеверии, в мистической вере в здравый человеческий смысл, одним чутьем, по слепому инстинкту открывающий сразу то, чего исследователи-законники не откроют по своей близорукости и в абсолютную безошибочность общественного мнения толпы. Под влиянием увлечения институт разросся и облекся в уродливые формы. Итальянские позитивисты называли его диким, Габриэль Тард обвинял присяжных в невежестве, непоследовательности, переменчивости убеждений, трусости, неспособности быть самостоятельными по отношению к общественному мнению. Выбор их совершается бессмысленным образом по жребию; все лица, которые поэнергичнее и посмышленнее, отводятся сторонами; выбаллотировываются таким образом одно посредственности. «Никто из мошенников не боится присяжных, но никто из честных людей их не уважает. Недоверие к ним полное, конец их близок» [2, с. 130].

В. Д. Спасович в своем труде «Новые направления в науке уголовного права» опровергал мнение Тарда о косности присяжных; на которых никогда нельзя рассчитывать, когда для общества необходимо быть поосторожнее, подтянуть или приструнить — вот почему везде прибегают к так называемой *correctionalisation des delits*, к изъятию из их ведения менее тяжких преступлений.

По мнению Тарда, сам институт обречен на сломку; весь вопрос в том, чем заместить присяжных [2, с. 130].

В. Д. Спасович отмечает: «Посадите на судейское кресло не романиста (знатока римского права – прим.авт.), а психолога или натуралиста, но заставьте его много раз проделывать судейскую работу, – и, в силу своих постоянных занятий, он сделается казуистом и законником» [2, с. 135].

Считая судей отвлеченными людьми, от мира сего отошедшими и витающими в заоблачных абстракциях; выражающими интересы государства (так как поставлены правительством судить, то во всех случаях, в которых государство находится по своим интересам в коллизии с интересами гражданского общества, с правами граждан, они – не беспристрастные решители и будут тянуть в сторону государства); требуется введение в суд народных элементов. Этот суд принес и продолжает доставлять громадной важности и ничем незаменимые удобства. Учреждение присяжных сделало из судебной функции живой общественный орган, свободно обсуждающий и наставительный, имеющий для общества воспитательное значение.

В сенатских речах по делам Мельницких, Островлевой и персидского принца Кейкубата, давая указания на необходимые улучшения в постановке этого суда, которому надо «дать больше доверия и поменьше власти», Спасович признал, что при правильном устройстве суда обязанности людские должны толковаться судом юристов, и деяния обсуждаться присяжными [3].

На белорусских землях прообраз суда присяжных появился еще в XVI в. в Великом княжестве Литовском в виде войтовско-лавницких судов. До 1917 года суд общественной совести, как было принято называть суд присяжных, действовал в Западном крае почти 40 лет. Причем спустя 30 лет после его введения опытные юристы (председатели и прокуроры судебных палат) оценили суд присяжных «как лучшую форму суда, какую только можно себе представить для разрешения большей части серьезных уголовных дел» [4, с. 24].

Идея возврата к суду присяжных с целью освобождения судей от их зависимости от местных властей была включена в Основы судеустройства СССР, принятые в 1989 г. В 1992 г. в советскую Конституцию были внесены поправки, предусматривающие право на разбирательство дела судом присяжных.

Концепция судебно-правовой реформы Республики Беларусь была одобрена в апреле 1992 года и положила начало преобразованиям в судебной и правоохранительной системах нашей страны. Однако уже первые попытки претворить в жизнь эту концепцию столкнулись с суровой реальностью и невозможностью осуществления ряда положений, непринятием их практически всеми работниками, недостаточностью кадрового и материально-технического обеспечения [5, с. 7].

Предложенные в Концепции судебно-правовой реформы принципы новой модели организации судебной власти законодателем были восприняты частично. Идеи о создании суда присяжных заседателей остались нереализованными. Первый судебно-правовой законодательный акт суверенной Беларуси – Закон от 13 января 1995 г. «О судебно-правовом устройстве и статусе судей в Республике Беларусь» – сохранил прежнюю систему общих судов.

Результатом Совещания по вопросам совершенствования деятельности судов 3 июня 2011 года явилось Послание Президента Республики Беларусь о перспективах развития системы общих судов Республики Беларусь, в котором предложено рассмотреть вопрос о возможности введения института присяжных заседателей как одного из направлений совершенствования процедуры судопроизводства [6].

Обобщая рассуждения В. Д. Спасовича о целесообразности и эффективности существования суда присяжных можно выделить исторические и политические причины, требующие участия народа в судопроизводстве. Суд присяжных способен защитить судейский корпус от возможной зависимости судей от органов исполнительной власти или от политических партий; чрезмерной зависимости судей от общественного мнения; чрезмерной формализованности при отправлении правосудия или профессиональной деформации судей; бюрократизации судебной власти.

Современная практика показывает, что даже сильная и политически независимая судебная власть может быть излишне политизирована и зависеть от общественного мнения. Участие народа в отправлении правосудия в современном обществе должно служить узакониванию назначения уголовных наказаний в глазах людей, воспитывать законопослушных граждан. Народное участие в отправлении уголовного правосудия «очеловечивает» суды

и заставляет судей, прокуроров и адвокатов больше работать, критично относиться к доказательствам.

Суд присяжных исключает возможность воздействия на профессионального судью, так как не он решает вопрос о виновности подсудимого в совершении преступления. Таким образом, участие присяжных заседателей содействует качеству предварительного следствия, более тщательной подготовке государственных обвинителей к участию в разбирательстве дел. Оправдывая подсудимого, присяжные заседатели от имени общества дают соответствующую оценку деятельности правоохранительных органов по производству предварительного расследования, собиранию и оценке доказательств и предоставлению их суду.

Таким образом, эволюция взглядов В. Д. Спасовича нашла подтверждение в законодательстве Российской Федерации, преобразована в институт народных заседателей в Республике Беларусь, закреплена в качестве принципа участия граждан в осуществлении правосудия.

Список использованных источников

1. Тейман С. Введение народного участия в отправлении правосудия в Республике Казахстан // Российская юстиция. – 2004. – № 6. – С. 61–69.

2. Спасович В. Д. Новые направления в науке уголовного права. – Москва: Типография И. Д. Сытина, 1898. – 139 с.

3. 3W.SU Русский биографический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://3w.su/biography/01181144.html>. – Дата доступа: 26.11.2016.

4. Мартинович И. И. Проблемы модернизации судебной власти Беларуси в постсоветский период // Судебные реформы в странах СНГ: сб. науч. ст. / сост. Л. Л. Зайцева. – Мн.: Тесей, 2005. – С. 15–28.

5. Сукало В. О. Судебная реформа в Республике Беларусь // Судебные реформы в странах СНГ: сб. науч. ст. / сост. Л. Л. Зайцева. – Мн.: Тесей, 2005. – С. 7–14.

6. Послание о перспективах развития системы общих судов Республики Беларусь : Утв. Указом Президента Республики Беларусь № 454 от 10 октября 2011 г. // НРПА Республики Беларусь. – 2011. – № 115. – 1/12986.

7. Нужен ли в Беларуси суд присяжных? // Режим доступа : <http://belaruspartisan.org>. – Дата доступа : 24.11.2016.

Содержание

<i>Алексейченко Г. А., Фелькин А. И.</i> В. Д. Спасович в общественной жизни в пореформенной России	3
<i>Болмотов С. Н.</i> Теория судебно-уголовных доказательств В. Д. Спасовича	8
<i>Верещагина А. В.</i> В. Д. Спасович о взаимной связи институтов доказательств и доказывания и уголовно-процессуальной формы	17
<i>Грахоцкий А. П.</i> В. Д. Спасович о проблеме национальной самоидентификации	21
<i>Емельянов С. Л.</i> В. Д. Спасович об антропологической школе уголовного права	30
<i>Жихарев С. Б.</i> Трансфер элементов европейской судебно-правовой системы в ходе судебной реформы 1864 года в России	36
<i>Караваева Е. М., Усова Е. И.</i> Идеи гуманизма во взглядах В. Д. Спасовича	43
<i>Ковалева Н. П.</i> Формирование авторского права в трудах В. Д. Спасовича	48
<i>Копыткова Н. В.</i> Влияние научных трудов В. Д. Спасовича на развитие международного права	51
<i>Тимошенко М. В., Можяева Л. Е.</i> Взгляды В. Д. Спасовича на роль адвокатуры и адвокатов	56
<i>Тюленева М. А.</i> Вклад В. Д. Спасовича в правовое просвещение населения в России XIX века	61
<i>Фелькин А. И., Усова Е. И.</i> «Король российской адвокатуры» В. Д. Спасович на политических процессах в 1860–1890-х годах	66
<i>Эсмантович И. И.</i> Развитие взглядов В. Д. Спасовича на суд присяжных	72

Научное издание

**В СЛУЖЕНИИ ФЕМИДЕ И ОБЩЕСТВУ:
СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. Д. СПАСОВИЧА**

Сборник научных статей

Подписано в печать 20.12.2016. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 4,65.
Уч.-изд. л. 5,08. Тираж 30 экз. Заказ 720.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.

**В СЛУЖЕНИИ ФЕМИДЕ И ОБЩЕСТВУ:
СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. Д. СПАСОВИЧА**

Гомель
2016

